

БИО
ГРАФИЯ

Ромен Роллан

Жизнь
Микеланджело

Перевод с французского
Валентины Куреллы

ФТМ

Биография (ФТМ)

Ромен Роллан

Жизнь Микеланджело

«ФТМ»

1907

Роллан Р.

Жизнь Микеланджело / Р. Роллан — «ФТМ»,
1907 — (Биография (ФТМ))

ISBN 978-5-4467-3413-9

Французский романист и драматург, автор таких великих произведений, как «Кола Брюньон» и «Очарованная душа», Ромен Роллан был удостоен в 1915 году Нобелевской премии «...за возвышенный идеализм произведений, и также за подлинную симпатию и любовь, с которой писатель создает различные человеческие типы». Романа Роллана привлекали яркие талантливые личности, оставившие свой след в искусстве и истории. Так возник цикл «Жизни великих людей», включивший в себя биографии Бетховена, Микеланджело и Толстого, а также пьеса «Дантон», вошедшая в цикл «Театр революции». В книге «Жизнь Микеланджело» писатель стремился, по его словам, «заразить мужеством, счастьем борьбы» своих читателей, «помочь тем, кто страдает и борется» на примере могучей личности художника.

ISBN 978-5-4467-3413-9

© Роллан Р., 1907

© ФТМ, 1907

Содержание

Часть первая	15
I	15
II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ромен Роллан Жизнь Микеланджело

В Национальном музее во Флоренции можно видеть мраморную статую, которую Микеланджело назвал «Победитель». Это прекрасно сложенный юноша, нагой, с крутыми завитками волос над низким лбом. Стройный и прямой, он уперся коленом в спину бородатого пленника, который вытянул шею и, как бык, подставляет голову под удар. Но победитель не смотрит на него, победитель медлит; он в нерешительности отворачивается, у него скорбный рот и смущенный взгляд. Поднявшаяся было рука опустилась к плечу, торс откинут назад; он не пожелал победы, она уже не прельщает его. Он победил. Он побежден.

Образ героического Сомнения, Победа с подрезанными крыльями – единственное из творений Микеланджело, остававшееся до самой смерти скульптора в его флорентийской мастерской, – это сам Микеланджело, символ всей его жизни. Недаром Даниелло да Вольтерра, поверенный дум великого мастера, хотел увенчать этой статуей его гробницу.

* * *

Страдание бесконечно в своем многообразии. Иногда мы страдаем от слепого произвола обстоятельств – нужды, болезней, превратностей судьбы, людской злобы. Иногда очаг всех наших горестей гнездится в нас самих. Однако и эти страдания столь же достойны жалости и столь же неотвратимы, ибо человек не выбирал своего «я», не по своему желанию появился он на свет и стал тем, что он есть.

Вот эти-то страдания и выпали на долю Микеланджело. Ему в избытке была отпущена та сила, тот редкостный дар, без которого нельзя бороться и побеждать, – он победил. И что же? Он не пожелал победы. Не того хотел он, не к тому стремился. Трагедия Гамлета! Мучительное несоответствие героического гения отнюдь не героической, не умеющей желать воле и неукротимым страстям.

Пусть не ждет читатель, что, по примеру многих наших предшественников, мы будем и в этом искать доказательств его величия. Никогда мы не согласимся, что мир становится тесен человеку оттого, что сам человек слишком велик. Смятение духа не есть признак величия. Отсутствие гармонии между человеком и действительностью, жизнью и законами жизни даже у великих людей всегда порождается не величием их, а слабостью. Зачем же скрывать эту слабость? Разве слабый менее достоин любви? Нет, более, ибо особенно нуждается в ней! Я не воздвигаю памятников недостижимым героям. Мне ненавистен идеализм, трусливо отводящий взор от жизненных невзгод и душевных слабостей. И народу, слишком легко поддающемуся обманчивой иллюзии громких фраз, следует помнить: всякая ложь о героизме проистекает от трусости! Героизм – это видеть мир таким, каков он есть, и любить его.

* * *

Судьба, описанная нами здесь, трагична потому, что она являет пример врожденного страдания, страдания, которое коренится в самом человеке, неустанно подтачивает его и не отступится до тех пор, пока не завершит своего разрушительного дела. Это один из наиболее ярких представителей того великого человеческого племени, которое вот уже девятнадцать веков оглашает Запад стенаниями скорби и веры; это – христианин.

Когда-нибудь в далеком будущем, через много-много столетий, – если только еще сохранится память о нашей земле, – люди склонятся над бездной, в которую кануло это племя, как склонялся Данте над кругами ада, – со смешанным чувством восхищения, ужаса и жалости.

Но никому это чувство не ведомо лучше, чем нам, которые детьми уже приобщились к этим терзаниям, видели, как терзаются наши близкие, – нам, кого все еще преследует терпкий и одуряющий запах христианского пессимизма и кому не раз приходилось напрягать свою волю, чтобы в минуты сомнений не поддаться соблазну и, подобно другим, не погрузиться в головокружительные глубины небытия.

Божественное небытие! Жизнь вечная! Прибежище тех, кому не удалась жизнь на земле! Вера, которая так часто – лишь неверие в жизнь, неверие в будущее, неверие в свои силы, недостаток мужества и недостаток радости!.. Мы знаем, на каких страшных поражениях зиждется ваша горькая победа!..

И потому я вас жалею, христиане, и потому вас люблю. Я жалею вас и преклоняюсь перед вашей скорбью. С вами мир печальнее, но и прекраснее. Исчезнет ваша скорбь – и мир станет в чем-то беднее. Нынешнее время – время трусов, бегущих страдания и шумно требующих себе права на счастье, построенное в сущности на несчастье других, – найдем же в себе смелость взглянуть в глаза скорби и отдадим ей должное! Да будет благословенна радость, и да благословенна будет скорбь! Они родные сестры и обе священны. Это они создают мир и окрыляют великие души. В них сила, в них жизнь, в них Бог. Кто не любит их обеих – не любит ни той, ни другой. А тот, кто приобщился к ним, познал цену жизни и сладость расставания с ней.

Ромен Роллан

* * *

Он был гражданином Флоренции – Флоренции мрачных дворцов и стройных, как копья, башен, за которыми идет волнистая и четкая гряда холмов, тончайшим узором врезанная в густую лазурь небес, с черными веретенами низкорослых кипарисов и струисто-серебряной перевязью трепещущих от ветра маслиновых рощ; Флоренции изощренного изящества, где бледный, саркастический Лоренцо Медичи и большеротый лукавый Макиавелли любовались воочию «Весной» и бескровными, златоволосыми Венерами Боттичелли; горячечной, спесивой, беспокойной Флоренции, легко становившейся добычей любого фанатизма, то и дело сотрясаемой религиозной и социальной лихорадкой, где каждый был свободен и каждый был тиран, где так хорошо было жить и где жизнь была адом; уроженцем города, сыны которого умны, нетерпимы, умеют и восторгаться и ненавидеть, остры на язык, подозрительны, завистливы, склонны настороженно следить друг за другом, чтобы при первом удобном случае друг друга погубить; города, где не нашлось места независимому духу Леонардо, где Боттичелли, совсем как какого-нибудь шотландского пуританина, под конец жизни одолевали мистические видения, где Савонарола, выставив свой козлиный профиль и сверкая черными глазами, заставлял монахов плясать вокруг костра, на котором жгли произведения искусства и где три года спустя сложили костер, чтобы сжечь его самого.

* * *

Плоть от плоти этого города и этой эпохи, Микеланджело разделял все предрассудки, все страсти, все неистовства своих соотечественников.

Правда, он их не очень-то жаловал. Его могучему и вольному гению было душно и тесно в узких рамках их искусства для избранных, он презирал их жеманный ум, их плоский реализм, слащавость, болезненную утонченность. Им крепко доставалось от него, но все же он любил их. Он не относился к родине с усмешливым безразличием Леонардо. Вдали от родного города его

снедала тоска¹. Всю жизнь он тщетно стремился жить во Флоренции. Он защищал Флоренцию в трагические дни осады и желал «вернуться туда мертвым, если уже не приведется вернуться живым»².

Исконный флорентинец, Микеланджело гордился своим происхождением и родом³. Гордился даже больше, чем своим гением. Он не желал, чтобы его считали художником:

«Я не скульптор Микеланджело... Я Микеланджело Буонарроти...»⁴

Аристократ по духу, он был полон кастовых предрассудков. Он даже утверждал, что «искусством должны заниматься благородные, а не плебеи»⁵.

К семье он относился с религиозным благоговением, как древние, почти как варвары. Жертвуя для нее всем, он требовал, чтобы и другие поступали так же. Он говорил, что «ради семьи готов продать себя в рабство»⁶. Однако дело тут было не в родственной привязанности. Он презирал братьев, которые и не заслуживали иного отношения, презирал своего племянника и наследника Лионардо. Но и в племяннике и в братьях он уважал представителей своего рода. Слово это беспрестанно попадает в его письмах:

«Наш род... *la nostra gente*... поддержать наш род... не дать угаснуть нашему роду...»

Он унаследовал все предрассудки, весь фанатизм сурового и крепкого рода Буонарроти. Пусть сам он был создан из этого земного праха. Но из праха вспыхнул огонь, очищающий все, — огонь гения.

* * *

Пусть тот, кто отрицает гений, кто не знает, что это такое, вспомнит Микеланджело. Вот человек, поистине одержимый гением. Гением, чужеродным его натуре, вторгшимся в него, как завоеватель, и державшим его в кабале. Воля тут ни при чем и почти ни при чем ум и сердце. Он горел, жил титанической жизнью, непосильной для его слабой плоти и духа.

Жил в постоянном исступлении. Страдание, причиняемое распиравшей его силой, заставляло его действовать, беспрерывно действовать, не зная ни отдыха, ни покоя.

«Никто так не изнурял себя работой, как я, — пишет он. — Я ни о чем другом не помышляю, как только день и ночь работать».

¹ «Временами мною овладевает глубокая тоска, как то бывает со всеми вдали от дома» (письмо от 19 августа 1497 г., Рим). — Р. Р.

² Это про себя говорит он устами своего друга Чеккино деи Браччи, флорентийского изгнанника, поселившегося в Риме: «Смерть мне дорога, ибо ей я обязан счастьем вернуться на родину, куда путь при жизни был мне заказан». («Стихотворения Микеланджело», изд. Карла Фрея, сонет LXXIII, 24). — Р. Р.

³ Буонарроти Симони, уроженцы Сеттиньяно, упоминаются в флорентийских хрониках уже в начале XII в. Микеланджело это было известно: он хорошо знал свою родословную. «Мы принадлежим к самым старым и именитым горожанам Флоренции» (письмо к племяннику Лионардо, декабрь 1546 г.). Он возмущался, что племянник мечтает получить дворянство. «Это значит не уважать себя. Всем известно, что мы принадлежим к старой флорентийской буржуазии и можем поспорить в знатности с кем угодно» (февраль 1549 г.). Он хотел возродить значение своего рода, вернуть семье древнее имя Симони, основать во Флоренции патрицианский дом, но этому мешали его братья, люди посредственные и недалекие. Он краснел от стыда при мысли, что один из них (Джисмондо) ходит за плугом и живет как простой крестьянин. В 1520 г. граф Алессандро Каносса написал Микеланджело, что обнаружил в семейных архивах доказательства их родства. Известие было ложное, но Микеланджело поверил; он даже хотел приобрести замок Каносса, свое предполагаемое родовое гнездо. На основании рассказов Микеланджело его биограф Кондиви вписал в число предков семейства Буонарроти сестру Генриха II, Беатрису, и маркграфиню Матильду. В 1515 г., по случаю приезда папы Льва X во Флоренцию, брату Микеланджело — Буонаррото был пожалован титул Палатинского графа — *Comes palatinus*, и Буонарроти получили право включить в свой герб «*palla*» (шары) из герба Медичи, три лилии и инициалы папы. — Р. Р.

⁴ «Я никогда не принадлежал к тем художникам и скульпторам, которые торгуют своим искусством. Я этого всегда остерегался, блюдя честь своего рода» (письмо к Лионардо от 2 мая 1548 г.). — Р. Р.

⁵ Кондиви. — Р. Р.

⁶ Письмо к отцу от 19 августа 1497 г. Микеланджело «получил свободу и вышел из-под родительской власти» только 13 марта 1508 г., в возрасте тридцати трех лет (зафиксировано официальным актом 28 марта следующего года). — Р. Р.

Жажда деятельности превращалась в своего рода манию: он взваливал на себя одну работу за другой, принимал больше заказов, чем мог выполнить. Ему уже мало было глыбы мрамора, ему требовались утесы. Задумав работу, он мог годы проводить в каменоломнях, отбирая мрамор и строя дороги для перевозки; он хотел быть всем зараз – инженером, черно-рабочим, каменотесом; хотел делать все сам – воздвигать дворцы, церкви – один, собственноручно. Он трудился как каторжный. Боясь потерять лишнюю минуту, он недоедал, недосыпал. Снова и снова в его письмах повторяется все та же жалоба:

«Я едва успеваю проглотить кусок... Не хватает времени даже поесть... Вот уже двенадцать лет, как я изнуряю свое тело непосильной работой, нуждаюсь в самом необходимом... У меня нет ни гроша за душой, я разут, раздет, терплю всяческие лишения... Я живу в нужде и лишениях... Я борюсь с нуждой...»⁷

С нуждой воображаемой... Ибо Микеланджело был человеком состоятельным, а к концу жизни даже богатым, очень богатым⁸. Но что давало ему богатство? Жил он бедняком, прикованным к своей работе, как кляча к мельничному жернову. Никто не мог понять, зачем он так себя истязает. Никто не понимал, что он не властен был не истязать себя, что это стало для него потребностью. Даже родной отец, у которого Микеланджело перенял многие черты характера, упрекал сына:

«Твой брат рассказал мне, что ты живешь уж очень бережливо и даже убого. Бережливость похвальна, но за убожество тебя осудят. Этот порок не угоден ни Богу, ни людям. Он разрушает тело и душу. Пока ты молод, это, быть может, и не скажется, но к старости нездоровый образ жизни даст себя знать, и тебя станут одолевать болезни и немощи. Остерегайся этого. Живи скромно, но не отказывай себе в необходимом и смотри не переутомляй себя чрезмерной работой...»⁹

Но никакие советы не помогали. Микеланджело всю жизнь был безжалостен к себе. Питался он куском хлеба, запивая его глотком вина. Спал очень мало. В Болонье, где он работал над бронзовой статуей Юлия II, у него была всего одна кровать – для себя и трех своих помощников¹⁰. В постель Микеланджело укладывался, не раздеваясь и не снимая обуви. Однажды у него так сильно опухли ноги, что пришлось разрезать голенища сапог, но вместе с сапогами с ног слезла и кожа.

Этот страшный образ жизни привел к тому, что Микеланджело, как и предсказывал ему отец, постоянно хворал. Судя по письмам, у него было по крайней мере пятнадцать тяжелых болезней¹¹. Его донимала лихорадка, от которой он несколько раз чуть было не скончался.

⁷ Письма 1507, 1509, 1512, 1513, 1525, 1547 гг. – Р. Р.

⁸ После смерти Микеланджело в его римском доме нашли около восьми тысяч золотых дукатов, что составляет на нынешние деньги примерно полмиллиона франков. Кроме того, по свидетельству Вазари, он еще при жизни подарил племяннику, в два приема, семь тысяч скудо и наградил двумя тысячами скудо своего слугу Урбино. Крупные суммы лежали у него в банках Флоренции. Из официальных документов за 1534 г. явствует, что он владел шестью домами и семью поместьями во Флоренции, Сеттиньяно, Ровещано, Страделло, Сан-Стефано-де-Поццолатико и т. д. У него была страсть к земельным приобретениям. Что ни год, он покупает землю: в 1505, 1506, 1512, 1515, 1517, 1518, 1519, 1520 и во все последующие годы. В этом сказывался потомок крестьян. Впрочем, если Микеланджело и накапливал богатства, то отнюдь не для себя. Отказывая себе во всем, он много тратил на других. – Р. Р.

⁹ Далее следуют некоторые гигиенические советы, по которым можно судить о нравах тех времен: «Главное, береги голову, не кутайся чрезмерно и никогда не мойся. Вели очищать себя, но никогда не мойся» («Письма», письмо от 19 декабря 1500 г.) – Р. Р.

¹⁰ «Письма», 1506 г. – Р. Р.

¹¹ В сентябре 1517 г., когда Микеланджело работает над фасадом Сан-Лоренцо и «Христом» для церкви Санта-Мария-сопра-Минерва, он «болен и при смерти». В сентябре 1518 г. в каменоломнях Серавеццы он заболевает от усталости и огорчений. В 1520 г., когда скончался Рафаэль, он снова хворает. В конце 1521 г. его друг Лионардо-шорник поздравляет его с «выздоровлением от болезни, которая многих свела в могилу». В июне 1531 г., после падения Флоренции, он не спит, не ест, у него болит голова и сердце – такое состояние продолжается до конца года; друзья опасались, что он уже не подыметься. В 1539 г. он срывается с лесов в Сикстинской капелле и ломает себе ногу. В июне 1544 г. у него сильнейшая лихорадка, и он лежит в флорентийском дворце Строцци, где за ним ухаживает его друг Луиджи дель Риччо. С декабря 1545 по январь 1546 г.

Болели глаза, зубы, голова, сердце¹². Он страдал от невралгических болей, которые усиливались во время сна, – вообще спать было для него мукой. Он рано одряхлел. Уже в возрасте сорока двух лет Микеланджело чувствует себя стариком¹³, а в сорок восемь пишет, что после одного дня работы должен отдыхать четыре¹⁴. Притом он упорно не желал обращаться к врачам.

Нечеловеческий труд подтачивал не только физические, но еще в большей степени душевные силы Микеланджело. Его одолевает пессимизм – наследственный недуг Буонарроти. В молодости ему постоянно приходилось успокаивать отца, который временами, по-видимому, страдал манией преследования¹⁵. Однако сам Микеланджело был болен куда серьезнее, чем тот, кого он старался ободрить. Беспрерывная работа, страшное утомление, ибо он никогда как следует не отдыхал, делали его игрушкой самых нелепых страхов, какие только могут примерещиться мнительному уму. Он опасался своих врагов. Опасался своих друзей¹⁶. Опасался родственников, братьев, приемного сына: ему представлялось, что все они только и ждут его смерти.

Все внушало ему тревогу¹⁷; его вечные страхи служили даже предметом насмешек для близких¹⁸. Он жил, как сам говорит, «в состоянии меланхолии или, вернее сказать, безумия»¹⁹. Он столько страдал, что под конец даже сжился со своими страданиями и находил в них какую-то горькую усадлу:

Что больше мне вредит, то больше и пленяет.
E più mi giova dove più mi nuoce²⁰.

Все доставляло ему страдание – даже любовь²¹, даже благополучие²².

В печали нахожу единственную радость.

у него повторный приступ лихорадки, после чего он сильно ослаб; снова он у Строции, и снова за ним ухаживает Риччо. В марте 1549 г. он жестоко страдает от камней в пузыре. В июле 1555 г. его мучает подагра. В июле 1559 г. он опять страдает от камней в почках и других недугов и очень слабеет. В августе 1561 г. у него припадок: «потеря сознания, сопровождаемая судорогами». – *Р. Р.*

¹² «Febbre, fianchi, dolor, morbi occhi e denti». «Стихотворения», сонет LXXXII. – *Р. Р.*

¹³ Июль 1517 г. Письмо из Каррары к Доминико Буонинсенци. – *Р. Р.*

¹⁴ Июль 1523 г. Письмо к Бартоломео Анджелини. *Р. Р.*

¹⁵ В письмах его к отцу то и дело наталкиваешься на такие фразы: «Не терзайте себя...» (весна 1509 г.). «Мне больно, что Вы живете в вечном страхе, умоляю Вас, не думайте больше об этом» (27 января 1509 г.). «Не бойтесь, и пусть это Вас несколько не печалит» (15 сентября 1509 г.). На старика Буонарроти, так же как и на Микеланджело, иногда, по-видимому, находил панический ужас. В 1521 г. (об этом будет рассказано в дальнейшем) он вдруг убежал из собственного дома, крича, что сын его выгнал. – *Р. Р.*

¹⁶ «В самой сладостной, самой крепкой дружбе часто таится посягательство на жизнь и честь» (см. сонет LXXIV, посвященный другу Микеланджело Луиджи дель Риччо, который незадолго перед тем выходил тяжелобольного скульптора и спас ему жизнь. 1546 г.). См. также прекрасное письмо, написанное верным другом Микеланджело Томмазо деи Кавальери 15 ноября 1561 г. в ответ на его несправедливые подозрения: «Я более чем уверен, что никогда Вас ничем не оскорбил, но Вы слишком легко верите тем, кому менее всего следовало бы верить». – *Р. Р.*

¹⁷ «Я постоянно настороже... Не доверяйте никому, спите вполглаза». – *Р. Р.*

¹⁸ Письма брату Буонарроти от сентября и октября 1515 г.: «Не смейся над тем, что я тебе пишу... Нехорошо насмехаться, а в такие времена тревожиться и бояться за свою душу и тело вовсе не худо... Тревожиться никогда не мешает...» – *Р. Р.*

¹⁹ Часто в своих письмах он называет себя «меланхоликом и безумцем», «старым и безумным», «безумным и злым». В другом месте он оправдывается, говоря, что безумие, в котором его обвиняют, «вредит лишь мне одному». – *Р. Р.*

²⁰ «Стихотворения», сонет XLII. – *Р. Р.*

²¹ Che degli amanti è men felice stato Quello ove'l gran desir gran conia affrena C'una miseria di speranza piena. «Страданье, исполненное надежд, сулит любящим больше счастья, нежели то наслаждение блаженством, от которого угасают желанья» (см. сонет CIX, 48). – *Р. Р.*

²² «Все меня печалит, – пишет он. – ...Даже благополучие удручает и гнетет меня не меньше, чем горе, – слишком уж оно недолговечно». – *Р. Р.*

*La mia allegrez' è la malinconia*²³.

Более всего ему была присуща скорбь, менее всего радость. Только одну скорбь он видел, только одну ее чувствовал во всей безграничной вселенной.

На сотни радостей мученья одного не променяю!..

Mille piacer non vaglion un tormento!..²⁴

Безнадежное отчаяние, в котором было и свое величие, слышится в этом крике, вобравшем в себя всю скорбь мира.

* * *

«Необыкновенная ревностность в труде отдалила Микеланджело от людей, почти от всякого общения с ними», – пишет Кондиви.

Он был одинок. За ненависть ему платили ненавистью, но за любовь не платили любовью. Ему дивились и боялись его. К концу жизни Микеланджело вызывал у своих современников чувство, близкое к благоговению. Он возвышался над всем своим веком. Бури улеглись. Он смотрит на людей сверху, а они на него снизу. Но он по-прежнему один. Никогда не знал он простой радости, которая дана каждому смертному, – никогда не отдыхал, согретый лаской близкого человека. Ни одна женщина по-настоящему его не любила. Лишь краткий миг в этом пустынном небе просияла холодной и чистой звездой дружеская привязанность Виттории Колонны. А вокруг мрак, прорезаемый огненными метеорами его мыслей: желаниями и безумными мечтами. Никогда Бетховен не знал такого мрака, ибо мрак этот был в самой душе Микеланджело. В печали Бетховена повинен окружавший его мир, от природы он был веселым – он тянулся к радости. А Микеланджело носил в себе ту гнетущую печаль, которая отпугивает людей и которой все поневоле сторонится. Вокруг него неизменно создавалась пустота.

Но это было не самое страшное. Не самое страшное остаться одному. Страшно другое: остаться наедине с собой и быть с собой в разладе, не уметь подчинять себя своей воле, мучиться сомнениями, стараться побороть свою природу и только убивать себя. Гению Микеланджело дана была в спутницы душа, которая постоянно его предавала. Существует мнение, что Микеланджело преследовал злой рок, не позволявший ему завершить ни один из его великих замыслов. Этот злой рок – сам Микеланджело. Ключ к пониманию всех его несчастий, всей трагедии его жизни, – чего никогда не замечали или не осмеливались замечать, – это недостаток воли и слабость характера.

Он был нерешителен в искусстве, нерешителен в политике, нерешителен во всех своих поступках и во всех своих мыслях. Когда требовалось из двух работ, двух замыслов, двух проектов сделать выбор, он всегда колебался. Тому доказательство история памятника Юлию II, фасада церкви Сан-Лоренцо и гробниц Медичи. Он никак не может начать работать, а начав, ничего не доводит до конца. Он и хочет и не хочет. Стоит ему, наконец, решиться, как сразу же начинаются сомнения. В глубокой старости Микеланджело вообще уже ничего не завершал: все ему приедалось. Говорят, Микеланджело вынужден был выполнять прихоти пап и герцогов, и в этом усматривают причину того, что он вечно переходил от одного замысла к другому. Но забывают при этом, что никакой папа не мог бы понудить его, если бы встретил со стороны художника твердый отказ. Однако Микеланджело не решался отказывать.

²³ «Стихотворения», сонет LXXXI. – Р. Р.

²⁴ «Стихотворения», сонет LXXIV. – Р. Р.

Он был слаб. Слабость эта порождалась и положительными качествами Микеланджело и робостью его. Он был слаб потому, что его мучила совесть художника: он терзался сомнениями, которые более решительная натура просто бы отмела. По излишней своей добросовестности он считал себя обязанным делать самые несложные работы, с которыми любой подрядчик справился бы лучше его²⁵. Ни выполнить своих обязательств, ни пренебречь ими он не умел²⁶.

Он был слаб, потому что всего остерегался и страшился. Тот самый человек, которого Юлий II называл «грозным» («terribile»), по свидетельству Вазари, «осторожен», чересчур даже осторожен; тот, «кто наводил страх на всех, даже на пап»²⁷, сам всех боялся. Он проявлял слабость в общении с великими мира сего. А между тем никто так не презирал эту слабость в других, как он сам. Микеланджело называл таких людей «вьючными ослами при королях и герцогах»²⁸. Он не хотел служить папам, но оставался при них и выполнял их желания²⁹. Он терпеливо сносил оскорбительные письма от своих покровителей и отвечал униженно³⁰. Порой Микеланджело бунтовал, гордо возвышал свой голос, но всегда сдавался. Так ему и не удалось до самой смерти вырваться из-под гнета, не хватило сил для борьбы. Климент VII, который, вопреки установившемуся мнению, все же лучше других пап относился к Микеланджело, знал его слабохарактерность и жалел его³¹.

Полюбив, Микеланджело терял всякое достоинство. Он мог унижаться перед негодяем вроде Фебо ди Поджо³² называл «могучим гением» обаятельного, но посредственного художника Томмазо деи Кавальери³³.

Но тут хоть чувство придает что-то трогательное его слабости. Когда же слабость порождается страхом, она становится прискорбной, чтобы не сказать постыдной. На Микеланджело находили порой приступы панического ужаса. Тогда, гонимый страхом, он бежит из одного конца Италии в другой. Так, он бежит из Флоренции в 1494 г., напуганный рассказом о страшном видении. Вторично он бежит из осажденной Флоренции в 1529 г. – из осажденной Флоренции, которую ему поручено укреплять. Он бежит в Венецию. Еще немного, и он бежал бы во Францию. Опомнившись, он стыдится своего поступка, возвращается в осажденный город и остается на посту до конца осады, искупая тем свою вину. Но когда Флоренция пала и начинаются расправы, как он боится, как трепещет! Он позорно заискивает перед папским проконсулом Валори, только что пославшим на плаху его друга, благородного Баттиста делла Палла, доходит до того, что отрекается от своих друзей, флорентийских изгнанников³⁴.

²⁵ Взять хотя бы годы, проведенные в каменоломнях Серавеццы, когда он готовился строить фасад церкви Сан-Лоренцо. – Р. Р.

²⁶ Так было с «Христом», заказанным в 1514 г. для церкви Санта-Мария-сопра-Минерва. В 1518 г. Микеланджело сокрушался, что все еще не приступил к работе: «Меня это страшно мучает... Я кажусь себе вором». Так было с капеллой Пикколomini в Сиенне, на украшение алтаря которой он в 1501 г. заключил договор, обязуясь закончить вес статуи в трехгодичный срок. Шестьдесят лет спустя, в 1561 г., он все еще терзался, что не выполнил взятого на себя обязательства! – Р. Р.

²⁷ «Facte paura a ognuno insino a'papi», – писал ему Себастьяно дель Пьомбо 27 октября 1520 г. – Р. Р.

²⁸ Беседа с Вазари. – Р. Р.

²⁹ Например, в 1534 г. он хотел бежать от папы Павла III, но в конце концов подчинился и взялся на него работать. – Р. Р.

³⁰ В качестве примера можно привести оскорбительное письмо кардинала Джулио Медичи (будущего папы Климента VII) от 2 февраля 1518 г., в котором он высказывает подозрение, что Микеланджело подкуплен каррарцами. Микеланджело проглатывает обиду и пишет, что «ничего иного не желает, как только угодить его преосвященству». – Р. Р.

³¹ См. его письма и письма, которые Себастьяно дель Пьомбо писал по его указанию после падения Флоренции. Он беспокоился о состоянии духа и здоровья Микеланджело. В 1531 г. Климент VII пишет даже особое послание, чтобы оградить художника от назойливости людей, злоупотреблявших его любезностью. – Р. Р.

³² Ср. смиренное письмо Микеланджело к Фебо от декабря 1533 г. и ответное письмо Фебо от января 1534 г., в котором чувствуется вымогатель и пошлый человек. – Р. Р.

³³ «Если я слишком неискусный кормчий, чтобы плыть по океану Вашего гения, да простит он меня и не презирает, ибо я не могу с ним сравниться. Того, кто совершенен во всем, нельзя ни в чем превзойти» (Микеланджело к Томмазо деи Кавальери от 1 января 1533 г.). – Р. Р.

³⁴ «...До сих пор я остерегался разговаривать и общаться с изгнанниками. Впредь я буду еще более осторожен... Я не разговариваю ни с кем, тем более не разговариваю с флорентийцами. Когда с тобой здороваются на улице, учтивость требует

Его гнетет страх. Он смертельно стыдится своего страха. Презирает себя. Заболевает от отвращения к себе. Он хочет умереть, и окружающие боялись, что он умрет³⁵.

Но умереть он не может. В нем живет неистребимая жизненная сила, которая наперекор всему каждодневно возрождается, а с нею возрождаются все новые и новые муки. Если бы он мог по крайней мере вырваться из этого заколдованного круга, перестать действовать. Но он знал, что просто жить и не действовать ему не дано. И он действует. Так надо. Действует? Нет, за него действуют бешеные и противоречивые страсти, которые подхватывают его и кружат в ледяном своем вихре, подобно Дантовым грешникам.

Как он, должно быть, страдал!

Горе мне! Горе! Во всей своей прошлой жизни я не
нахожу дня, который бы принадлежал мне!
Ohime, ohime, pur reiterando
Vo'l mio passato tempo e non ritrovo
In tucto un giorno che sie stato mio!³⁶

Он с отчаянием вызывает к Богу:

...О Боже, Боже, Боже!
Кто поможет мне, если не я сам?
...О Dio, o Dio, o Dio!
Chi piu di me potessi, che poss' io?³⁷

Если он жаждал смерти, то потому лишь, что видел в ней избавление от гнетущего рабства. С какой завистью говорит он о тех, кто уже умер.

«Вы можете не опасаться больше изменчивости желаний и самого бытия... Бег часов не властен над вами, равно как необходимость и случай... Пишу это и почти завидую».³⁸

Умереть! Уйти! Уйти от самого себя, избегнуть слепого произвола обстоятельств! Освободиться от наваждения своего «я»!

О, сделай, чтоб с собой мне больше не встречаться!
De, fate, c'a me stesso piu non torni!³⁹

отвечать на приветствия, что я и делаю, но прохожу мимо. Если бы мне было известно, кто из этих флорентийцев изгнанники, я не стал бы даже раскланиваться с ними...» (письмо из Рима 1548 г. племяннику Лионардо, сообщавшему, что во Флоренции Микеланджело обвиняют в сношениях с изгнанниками, против которых герцог Козимо II незадолго перед тем издал суровый указ). Больше того, он отрекся от гостеприимных Строцци, которые приютили его во время болезни: «...Так же необоснован упрек в том, что на во время болезни меня приютили у себя в доме и выходили Строцци; я считал, что нахожусь не у них в доме, а в комнате Луиджи дель Риччо, который был очень ко мне привязан» (Луиджи дель Риччо состоял на службе у Строцци). Однако не подлежит сомнению, что Микеланджело был все же гостем Строцци, а не Риччо, ибо чем как не благодарностью за гостеприимство можно объяснить его подарок Роберто Строцци, которому он за два года перед тем послал своих «Двух рабов», находящихся теперь в Лувре. – Р. Р.

³⁵ В 1531 г., после капитуляции Флоренции, когда Микеланджело подчинился требованиям Климента VII и старался задобрить Валори. – Р. Р.

³⁶ «Стихотворения», сонет XLIX (очевидно, относится к 1532 г.). – Р. Р.

³⁷ «Стихотворения», сонет VI (написано между 1504 и 1511 гг.). – Р. Р.

³⁸ Ne tem' or piu cangiar vita ne voglia. Che quasi senza invidia non lo scrivo... L'ore distinte a voi non fanno forza, Caso o necessita non vi conduce... («Стихотворения», сонет LVIII – На смерть отца, 1534 г.). – Р. Р.

³⁹ «Стихотворения», сонет CXXXV. – Р. Р.

* * *

Мне слышится этот трагический возглас, когда я вижу скорбное лицо и устремленный на меня тревожный взгляд портрета в музее в Капитолии⁴⁰.

Микеланджело был роста среднего, широк в плечах и мускулист. От работы в Сistine он весь скривился, спина прогнулась, живот выпятился, при ходьбе он закидывал назад голову. Таким мы видим его на портрете Франсиско д'Оланда. Он стоит в профиль, одетый во все черное, с наброшенным на плечи плащом, голова повязана, а поверх повязки надета широкополая, закрывающая половину лица, мягкая черная шляпа⁴¹. Голова у него была круглая, лоб квадратный, изрезанный морщинами, с сильно выраженными надбровными дугами. Черные, довольно редкие волосы слегка курчавились. Небольшие⁴² светло-карие глаза, постоянно менявшие цвет, испещренные желтыми и голубыми точками, глядели пристально и печально. Широкий прямой нос с небольшой горбинкой еще в детстве перешиб ему Торриджани⁴³. От ноздрей к углам рта шли глубокие складки. Рот тонко очерченный, нижняя губа чуть оттопырена. Жиденькие бакенбарды и раздвоенная негустая борода фавна длиной в четыре-пять дюймов обрамляли широкоскулое лицо с впалыми щеками. В общем преобладает выражение печали и нерешительности. Поистине лицо времен Тассо, лицо человека, снедаемого тревогой и сомнениями. Горестный взгляд хватается за душу, молит о сочувствии.

* * *

Так воздадим же ему полной мерой ту любовь, которую он искал всю жизнь и в которой ему было отказано. Он испытал величайшие несчастья, какие могут выпасть на долю человека. Он видел свою родину поработанной. Видел Италию отданной на века иноземным варварам. Видел, как гибла свобода. Видел, как один за другим исчезали все те, кто был ему дорог. Видел, как гасли один за другим светочи искусства.

Он остался последним в сгущавшемся мраке. И на краю могилы, оглядываясь назад, он даже не мог сказать себе в утешение, что совершил все, что должен был, что в силах был совершить. Ему казалось, что он даром прожил жизнь. Напрасно жертвовал всеми радостями. Напрасно все отдал кумиру искусства⁴⁴.

Долгих девяносто лет он надрывался над работой, ни единого дня не отдыхал, ни единого дня не жил по-человечески и, осудив себя на такие муки, все же не осуществил ни одного из своих великих замыслов. Все самые крупные и самые дорогие ему произведения остались незаконченными. По странной прихоти судьбы, этому скульптору⁴⁵ удавалось завершать лишь

⁴⁰ Следующее далее описание основывается на различных портретах Микеланджело, главным образом на портрете Якопо дель Конте (1544–1545 гг.) из галереи Уффици, который воспроизвел, несколько смягчив оригинал, Марчелло Венусти (музей в Капитолии), на гравюре Франсиско д'Оланда, относящейся к 1538–1539 гг., и гравюре Джулио Бонасони 1546 г., а также на биографии Кондиви, опубликованной в 1553 г. Друг и ученик Микеланджело, Даниелло да Вольтерра после смерти скульптора изваял его бюст. Леоне Леони в 1561 г. отчеканил медаль с его изображением. – Р. Р.

⁴¹ Таким Микеланджело лежал и в гробу, по свидетельству тех, кто в 1564 г. прощался с ним, когда тело его было привезено из Рима во Флоренцию для погребения. Казалось, он спит: на голове все та же черная шляпа, на ногах те же сапоги со шпорами. – Р. Р.

⁴² По свидетельству Кондиви. – На портрете Венусти глаза у него большие. – Р. Р.

⁴³ В 1490 или 1492 г. – Р. Р.

⁴⁴ ...L'affettuosa fantasia, Che l'arte mi fece idol'e monarca..... Не знал пределов в своем обожании искусства, и оно стало для меня кумиром и деспотом... («Стихотворения», сонет CXLVII, 1555–1556 гг.). – Р. Р.

⁴⁵ Он сам именовал себя скульптором, а не живописцем. «Сегодня. 10 марта 1508 г., – пишет он, – я, скульптор Микеланджело, приступил к росписи капеллы (Систины)». «Это не моя профессия, – пишет он год спустя. – ...Напрасно я трачу

живописные работы, к которым у него никогда не лежало сердце. Из больших работ Микеланджело, с которыми было связано столько горделивых надежд и столько огорчений, одни – картон «Битва при Кашине» и бронзовая статуя Юлия II – были разрушены еще при жизни художника, другие – гробница Юлия II и капелла Медичи – явились лишь жалким подобием первоначального замысла.

Скульптор Гиберти рассказывает в своих «Комментариях» историю одного злосчастного немца, золотых дел мастера при герцоге Анжуйском, «не уступавшего в своем искусстве ваятелям античной Греции», которому на склоне лет привелось увидеть, как был уничтожен труд всей его жизни. «Тогда, поняв, что все усилия его были напрасны, он упал на колени и воскликнул: «Господь вседержитель, творец всего сущего, помоги мне не сходить более с верного пути, дозвожь мне следовать лишь за тобой. Смилуйся!» Затем он роздал все свое имущество бедным и удалился в обитель, где и умер».

Подобно несчастному золотых дел мастеру. Микеланджело, дожив до старости, с горечью созерцал свою напрасно прожитую жизнь, свои бесплодные усилия, свои незаконченные, погибшие, незавершенные творения.

Тогда он отрекся от себя. Вместе с ним отрекалось Возрождение, гордое великолепной гордостью свободных душ, владеющих всей вселенной, отрекалось «ради любви божественной, раскинувшей руки на кресте, дабы принять нас в свое лоно».

... Volta a quell' amor divino
C'apersc a prender noi'n croce le braccia⁴⁶.

Из груди его не вырвался животворящий призыв «Оды к Радости». До последнего вздоха это была ода к Скорби, к Смерти-избавительнице. Итак, он был побежден.

* * *

Таков был тот, кого мир признал победителем. Мы наслаждаемся созданиями его гения, подобно тому как наслаждаемся плодами побед наших предков, забывая о пролитой крови.

Non vi si pensa
Quanto sague costa...⁴⁷

Пусть эту кровь увидят все, пусть взвьется над нами алый стяг героев.

время» (27 января 1509 г.). Так он думал всегда. – Р. Р.

⁴⁶ «Стихотворения», сонет CXLVII. – Р. Р.

⁴⁷ [«Не думают, какою куплен кровью...» (итал.) – Прим. ред.] Данте, «Рай», песнь XXIX, строфа 91. – Р. Р.

Часть первая Борьба

I Сила

*Davide cholla fromba e io choll' arco.
Michelagnolo⁴⁸*

Он родился 6 марта 1475 г. в Капрезе, что в долине Казентино. Суровый край и «живительный воздух»⁴⁹, скалы и буковые леса, над которыми встает костлявый хребет Апеннин. Неподалеку – Вернийская скала, где Франциску Ассизскому являлся распятый Христос.

Отец Микеланджело⁵⁰ занимал должность подесты в Капрезе и в Кьюзи. Это был человек вспыльчивый, беспокойный и «богобоязненный». Мать Микеланджело⁵¹ умерла, когда ему едва исполнилось шесть лет⁵². Их было пять братьев: Лионардо, Микеланджело, Буонаррото, Джовансимоне и Джисмондо⁵³.

Грудным ребенком Микеланджело отправили к кормилице, жене каменотеса в Сеттиньяно. Впоследствии он в шутку говорил, что всосал с молоком кормилицы свое призвание к скульптуре. Его определили в школу, но там он только и делал, что рисовал. «Отец и дядя невзлюбили его за это и часто жестоко наказывали: они ненавидели живописцев и считали позором, что из их семьи выйдет живописец»⁵⁴. Так, Микеланджело еще ребенком познал жестокость жизни и тяжесть одиночества.

Однако Микеланджело все же переупрямил отца. Тринадцати лет он поступает учеником в мастерскую Доминико Гирландайо, величайшего и наиболее здорового по духу из всех флорентийских живописцев. Первые же работы Микеланджело имели такой успех, что будто бы даже возбудили зависть учителя⁵⁵. Через год Микеланджело расстается с Гирландайо.

Живопись ему разонравилась. Его влечет более героическое искусство. Он переходит в школу скульптуры, которая существовала попечениями Лоренцо Медичи в садах Сан-Марко⁵⁶. Лоренцо Великолепный заинтересовался Микеланджело, поместил его во дворец, сажал обедать за один стол со своими сыновьями. Здесь, в самом сердце итальянского Возрождения, мальчика окружают коллекции антиков, он слушает поэтические произведения, присутствует при философских диспутах великих платоников – Марсилио Фичино, Бенивьени, Анджело Полициано. Они увлекли его. Окунувшись в античность, он начинает по-античному воспри-

⁴⁸ [«Давид с пращей, а я с луком» (итал.) – Прим. ред.] Микеланджело, «Стихотворения», сонет I – на листе с набросками к «Давиду», находящемся в Лувре. – Р. Р.

⁴⁹ Микеланджело часто говорил, что обязан своим гением «живительному воздуху Ареццо». – Р. Р.

⁵⁰ Лодовико ди Лионардо Буонарроти Симони (настоящая их фамилия была Симони). – Р. Р.

⁵¹ Франческа деи Нери ди Миньято дель Сера. – Р. Р.

⁵² Спустя четыре года, в 1485 г., отец Микеланджело вступил во второй брак, женившись на Лукреции Убальдини (умерла в 1497 г.). – Р. Р.

⁵³ Лионардо родился в 1473 г., Буонаррото – 1477 г., Джовансимоне – в 1479 г., Джисмондо – в 1481 г. После того как Лионардо постригся в монахи, Микеланджело оказался старшим, главой семьи. – Р. Р.

⁵⁴ Кондиви. – Р. Р.

⁵⁵ По правде говоря, трудно поверить, чтобы столь крупный мастер мог завидовать кому-либо. Во всяком случае вряд ли это могло послужить причиной поспешного ухода от него Микеланджело, который до глубокой старости всегда с величайшим уважением отзывался о своем первом учителе. – Р. Р.

⁵⁶ Школой руководил скульптор Бартольдо, ученик Донателло. – Р. Р.

нимать и видеть мир, становится греческим скульптором. Под влиянием бесед с Полициано, который «очень его любил», он создает барельеф «Битва кентавров с лапитами»⁵⁷. Этот великолепный барельеф, где невозмутимо царят гордая сила и красота, равно отражает и мужественный дух подростка, и его дикие игры, и забавы с необузданными товарищами.

Вместе с Лоренцо ди Креди, Буджардини, Граначчи, Торриджано ди Торриджани Микеланджело ходил срисовывать фрески Мазаччо в церковь Кармино. Он имел обыкновение зло подсмеиваться над менее искусными учениками. Однажды он отпустил обидное замечание по адресу тщеславного Торриджани, а тот в отместку ударил его кулаком в лицо. Впоследствии Торриджани хвастался Бенвенуто Челлини: «Я размахнулся и с такой силой хватил его по носу, что почувствовал, как кости и хрящ сплющились у меня под рукой, будто вафля. На всю жизнь оставил я ему свою метку»⁵⁸.

* * *

Поклонение античности не погасило христианской веры Микеланджело. Два враждебных мира, мир языческий и мир христианский, боролись за его душу.

В 1490 г. доминиканский монах Савонарола выступил с пламенными проповедями, толкуя апокалипсис. Савонароле было тогда тридцать семь лет. Микеланджело – пятнадцать. Перед юношей был низкорослый, тщедушный проповедник, сжигаемый пламенем веры. Страшный голос, призывавший с амвона большого собора огонь небесный на папу и грозивший Флоренции «кровавым мечом господним», леденил душу юного художника. Вся Флоренция трепетала. Люди, словно помешанные, с воплями и рыданиями металась по улицам. Самые богатые горожане – Ручеллаи, Сальвиати, Альбицци, Строцци собирались постричься в монахи. Даже ученые и философы, такие, как Пико делла Мирандола, Полициано, отрекались от своих идей⁵⁹. Старший брат Микеланджело, Лионардо, вступил в Доминиканский орден⁶⁰.

Микеланджело не избежал общего поветрия. Когда во Флоренции узнали, что приближается со своими войсками предвещанный пророком новый Кир, он же меч Господень, он же уродливый карлик – сиречь король Франции Карл VIII, – молодого Буонарроти обуял ужас.

Однажды его сильно взволновал сон, рассказанный ему одним из друзей. Поэту и музыканту Кардьере привиделась ночью тень Лоренцо Медичи⁶¹ в трауре и лохмотьях, едва прикрывавших наготу. Призрак повелел Кардьере предупредить его сына Пьеро Медичи, что тот будет изгнан из Флоренции и никогда больше не вернется на родину. Микеланджело, которому Кардьере рассказал о своем видении, посоветовал ему сообщить обо всем герцогу, но Кардьере, боясь гнева Пьеро, не осмелился этого сделать. Чуть ли не на следующий день он утром прибежал к Микеланджело и в ужасе рассказал, что покойник явился ему снова, и снова в том же одеянии. Приблизившись к постели Кардьере, который молча глядел на него, призрак ударил его по щеке в наказание за то, что он ослушался. Микеланджело накинулся на Кардьере с

⁵⁷ «Битва кентавров с лапитами» находится в доме-музее Буонарроти во Флоренции. К тому же времени относится и «Маска смеющегося фавна», стяжавшая Микеланджело расположение Лоренцо Медичи, а также «Мадонна у лестницы» (барельеф в доме Буонарроти). – Р. Р.

⁵⁸ Это случилось примерно в 1491 г. – Р. Р.

⁵⁹ Они вскоре умерли – в 1494 г. Полициано просил, чтобы его погребли, как доминиканца, в церкви Сан-Марко, церкви Савонаролы. Пико делла Мирандола перед смертью облачился в доминиканскую рясу. – Р. Р.

⁶⁰ В 1491 г. – Р. Р.

⁶¹ Лоренцо Медичи умер 8 апреля 1492 г.; ему унаследовал его сын Пьеро. Микеланджело покинул дворец и некоторое время жил у отца, не имея никакой должности. Вскоре, однако, Пьеро призвал его к себе и поручил покупку камней и гемм. Тогда-то Микеланджело и изваял огромного мраморного Геркулеса, который стоял сначала во дворце Строцци, а в 1529 г. был приобретен Франциском I и установлен в Фонтенбло, откуда статуя исчезла в XVII в. К тому же времени относится и деревянное распятие монастыря Сан-Спирито, работая над которым Микеланджело столь усердно изучал анатомию на трупах, что даже захворал (1494 г.). – Р. Р.

упреками и заставил его немедленно отправиться пешком в Кареджи виллу Медичи под Флоренцией. Встретив Пьеро на полпути, Кардьере остановил его и все ему рассказал. Пьеро расхохотался и приказал своим стремянным отстегать дерзкого. Канцлер герцога, Биббиена, сказал Кардьере: «Ты попросту дурак. Кого, ты полагаешь, Лоренцо больше любит? Тебя или своего сына? Если ему надо было прийти с того света, он уж, конечно, явился бы самому герцогу, а не тебе!» Избитый и осмеянный, Кардьере со стыдом вернулся во Флоренцию; он сообщил Микеланджело о постигшей его неудаче и настолько убедил его в неотвратимости бед, грозящих Флоренции, что тот два дня спустя бежал⁶². Это был первый припадок того суеверного страха, который, к стыду самого Микеланджело, впоследствии не раз охватывал его, почти лишая рассудка.

* * *

Он бежал в Венецию.

Но едва он вырвался из флорентийского пекла, как его нервное возбуждение улеглось. В Болонье, где Микеланджело проводит зиму⁶³ он уже и думать забыл о зловещем пророке и его пророчествах. Снова он во власти земной красоты. Он читает Петрарку, Боккаччо, Данте. Весной 1495 г., в самый разгар религиозных празднеств карнавала и ожесточенной борьбы партий, Микеланджело ненадолго возвращается во Флоренцию. Но теперь он настолько далек от всех здешних раздоров и распрей, что, словно бросая вызов фанатизму последователей Савонаролы, создает своего знаменитого «Спящего купидона», которого современники приняли за античную скульптуру. Впрочем, пробыл во Флоренции Микеланджело всего несколько месяцев. Он едет в Рим, и вплоть до смерти Савонаролы среди скульпторов, пожалуй, трудно сыскать большего язычника. В тот самый год, когда Савонарола предает сожжению «суеты и анафемы»: книги, украшения, произведения искусства, из-под резца Микеланджело выходят «Пьяный Вакх», «Умиравший Адонис» и большой «Купидон»⁶⁴. Брат Микеланджело, монах Лионардо, подвергается гонениям за свою веру в пророка. Тучи сгущаются над головой Савонаролы, но Микеланджело не думает возвращаться во Флоренцию, чтобы его защитить. Савонаролу сжигают⁶⁵. Микеланджело хранит молчание. В его письмах нет ни намека на это событие.

Микеланджело хранит молчание, но он ваяет свою «Pieta» («Скорбь о Христе»)⁶⁶.

⁶² Кондиви. Бегство Микеланджело имело место в октябре 1494 г. А месяц спустя, в страхе перед народным восстанием, бежал и Пьеро Медичи. Во Флоренции при поддержке Савонаролы, предвещавшего, что Флоренция укажет путь к республике всему миру, установилось народное правительство. Впрочем, одного монарха эта республика все же признавала – Иисуса Христа. – Р. Р.

⁶³ Микеланджело гостит у знатного болонца Джанфранческо Альдовранди, который помог ему уладить недоразумения с болонскими властями. Там Микеланджело работает над статуей св. Петрония и небольшой статуей ангела для гробницы (агеа) св. Доминика. Но в этих произведениях нет ничего религиозного. В них выражена та же горделивая сила. – Р. Р.

⁶⁴ Микеланджело прибыл в Рим в июне 1496 г. «Пьяный Вакх» и «Умиравший Адонис» (музей Барджелло) и «Купидон» (Саут-Кенсингтонский музей) относятся к 1497 г. По-видимому, в это же время написан картон «Св. Франциск, принимающий стигматы» для церкви Сан-Пьетро-ин-Монторио. – Р. Р.

⁶⁵ 23 мая 1498 г. – Р. Р.

⁶⁶ До сих пор полагали, что «Пиета» была сделана для французского кардинала Жана де Гролэ де Вилье, аббата в приходе Сен-Дени и посланника Карла VIII, заказавшего ее для капеллы французских королей в соборе св. Петра (договор от 27 августа 1498 г.). Однако Шарль Самаран в своей работе «Род Арманьяков в XV в.» установил, что заказавший «Пиета» французский кардинал был не Гролэ, а Жан де Билэр, аббат прихода Пессан, епископ Ломбезский, аббат Сен-Дени. Микеланджело работал над группой вплоть до 1501 г. В беседе с Кондиви Микеланджело объясняет юность богородицы неким рыцарски-мистическим истолкованием образа, которое и побудило его сделать скорбящую мать столь непохожей на обезображенных горем, увядших, растерзанных «Mater Dolorosa», как их изображали Донателло, Синьорелли, Мантенья, Боттичелли. – Р. Р.

На коленях вечно юной девы лежит мертвый Христос; он кажется спящим. Олимпийской величавостью и чистотой дышат черты богини и бога Голгофы. Но неизъяснимой грустью овеяны обе прекрасные фигуры. В душу Микеланджело закралась печаль.

* * *

Омрачало его не только зрелище бедствий и преступлений. В него вселилась та властная сила, которая подчиняет себе художника безраздельно и навсегда. Одержимый яростью своего гения, он уже не знал покоя до самой смерти. Он не обольщался сладостью победы, но, ради собственной славы и славы своих близких, поклялся победить. Семья была большая, а содержать ее приходилось ему одному. Родные донимали его денежными просьбами, денег ему не доставало самому, но из гордости он им никогда не отказывал. Он готов был продать себя в рабство, лишь бы послать близким столько, сколько они требовали. Здоровье его уже пошатнулось. Дурная пища, холод, сырость, непосильный труд подтачивали организм. Его мучили головные боли, на боку появилась опухоль⁶⁷. Отец упрекал Микеланджело за его образ жизни, как будто сам не был виновником многих трудностей, выпавших на долю сына.

«Все мучения, которые я претерпел, я претерпел только ради Вас», – писал ему впоследствии Микеланджело⁶⁸.

«Все мои заботы, все до единой, вызваны только любовью к Вам».⁶⁹

* * *

Весной 1501 г. Микеланджело вернулся во Флоренцию.

Лет за сорок до того попечительство собора (Opera del Duomo) передало скульптору Агостино ди Дуччо глыбу мрамора невиданных размеров, с тем чтобы он изваял из нее статую пророка. Работа была прекращена в самом начале, и никто после Дуччо не желал за нее браться. Взялся Микеланджело⁷⁰. Из этой мраморной глыбы он высек своего исполинского «Давида».

Рассказывают, что, когда гонфалоньер Пьетро Содерини, заказавший Микеланджело статую, пришел на нее посмотреть и, желая показать себя знатоком, сделал несколько замечаний, в частности нашел, что у Давида толстоват нос, Микеланджело поднялся на мостки, набрал горсть мраморной пыли и, делая вид, что работает резцом, стал понемногу сыпать пыль, но, конечно, и не подумал притронуться к статуе и оставил нос таким, каким он был. Затем, повернувшись к гонфалоньеру, сказал:

– А теперь как?

– Теперь мне ваш Давид нравится куда больше, – ответил гонфалоньер. – Вы вдохнули в него жизнь.

Тогда Микеланджело усмехнулся и молча спустился с лесов.⁷¹

И в самой статуе чувствуется это молчаливое презрение. «Давид» – это бурная сила в миг покоя. Он исполнен высокомерной грусти. Ему тесно в стенах музея. Ему нужен простор, вольный воздух, нужна ярко освещенная площадь, как говорил Микеланджело⁷².

⁶⁷ Письмо отца от 19 декабря 1500 г. *Р. Р.*

⁶⁸ Письмо к отцу. Весна 1509 г. – *Р. Р.*

⁶⁹ Письмо к отцу 1521 г. – *Р. Р.*

⁷⁰ В августе 1501 г. – За несколько месяцев до этого он заключил договор с кардиналом Франческо Пикколомини на украшение капеллы Пикколомини в Сиенском соборе. Договор так и не был выполнен, и Микеланджело всю жизнь из-за этого терзался. – *Р. Р.*

⁷¹ Вазари. – *Р. Р.*

⁷² Микеланджело заметил как-то одному скульптору, который так и этак менял освещение в своей мастерской, добиваясь наиболее выигрышного эффекта: «Что ты так стараешься? Важно, как будет выглядеть твоя статуя на площади». – *Р. Р.*

Двадцать пятого января 1504 г. коллегия из художников, в которую вошли Филиппино Липпи, Боттичелли, Перуджино и Леонардо да Винчи собралась, чтобы определить наиболее подходящее место для статуи. По просьбе Микеланджело решено было установить «Давида» перед дворцом синьории⁷³. Перемещение мраморной громады поручили соборным архитекторам. Вечером 14 мая, выломав часть стены над дверями дощатого сарая, где стояла статуя, гиганта извлекли наружу. В ту же ночь городская чернь забросала «Давида» камнями, намереваясь, очевидно, разбить статую. Ее пришлось усиленно охранять. Подвешенная на канатах в предохранение от толчков, статуя, слегка покачиваясь, медленно подвигалась вперед. Потребовалось целых четыре дня, чтобы передвинуть ее от собора к палаццо Веккио. В полдень 18 мая она была, наконец, водворена на место. По ночам «Давида» продолжали охранять, но, несмотря на принятые меры, как-то вечером его опять забросали камнями⁷⁴.

Таков был народ Флоренции, который иногда ставят в пример нашему⁷⁵.

* * *

В 1504 г. флорентийская синьория вызвала Микеланджело и Леонардо да Винчи на единоборство.

Они недолюбливали друг друга. Одиночество, казалось бы, должно было их сблизить. Но если они чувствовали себя далекими всем остальным людям, то еще более далеки они были друг другу. Особенно одинок был Леонардо. Ему было тогда пятьдесят два года – на двадцать три года больше, чем Микеланджело. Тридцати лет он покинул Флоренцию – его мягкой, несколько даже застенчивой натуре и ясному скептическому уму, ничем не скованному и все понимающему, были невыносимы кипевшие там страсти. Всеобъемлющий гений, человек столь же независимый, сколь и одинокий, он был так далек от родины, от религии, от всего мира, что чувствовал себя хорошо только в обществе тиранов, как и он сам, свободных духом. Вынужденный в 1499 г., после падения своего покровителя Лодовико Моро, оставить Милан, Леонардо в 1502 г. поступает на службу к Цезарю Борджа, а в 1503 г. конец политической карьеры Борджа приводит его вновь во Флоренцию. Здесь одной своей иронической улыбкой он доводит до бешенства угрюмого, легко воспламенявшегося Микеланджело. Отдаваясь безраздельно своим страстям и своей вере, Микеланджело ненавидел противников своих страстей и своей веры, но еще сильнее ненавидел он тех, кто был чужд всяких страстей и лишен всякой веры. Все, что было великого в Леонардо, вызывало у Микеланджело острую неприязнь, и он не упускал случая ее выказать.

«Леонардо был человек статного сложения, обходительный и вежливый. Однажды он прогуливался с приятелем по улицам Флоренции. На нем была длинная до колен розовая туника; волнистая борода, искусно завитая и расчесанная, струилась по его груди. Возле церкви Санта-Тринита несколько флорентийцев обсуждали какое-то непонятное место из Данте. Подозвав Леонардо, они попросили его разъяснить им смысл этого отрывка. Мимо как раз проходил Микеланджело, и Леонардо сказал: «Вот Микеланджело, он вам объяснит, что значит этот стих». Микеланджело, думая, что Леонардо насмехается над ним, желчно ответил:

⁷³ Обсуждение это дошло до нас во всех своих подробностях (Миланези, «Договоры художников», стр. 620 и далее). Вплоть до 1873 г. «Давид» стоял на том самом месте, которое выбрал для него Микеланджело, на площади перед дворцом синьории. Но затем статую перенесли в особую ротонду (Tribuna del David) Флорентийской академии художеств, так как она сильно пострадала от дождей. В настоящее время флорентийское общество художников предполагает заказать копию с «Давида» из белого мрамора, с тем чтобы поставить его на прежнем месте, перед палаццо Веккио. – Р. Р.

⁷⁴ Рассказ современника и «Флорентийские истории» Пьет-ро ди Марко Паренти. – Р. Р.

⁷⁵ Заметим, что целомудренная нагота «Давида» возмущала стыдливость флорентийцев. Упрекая Микеланджело за непристойность его «Страшного суда», Аретино писал ему в 1545 г.: «Возьмите в пример флорентийцев, которые прикрывают нескромные части своего прекрасного «Гиганта» золотыми листьями». – Р. Р.

«Сам объясняй, ты ведь великий мастер, сделал гипсовую модель коня⁷⁶, а когда надо было отлить его из бронзы – застрял на полдороге, опозорился». С этими словами он повернулся спиной и продолжал свой путь. Краска бросилась в лицо Леонардо, но он промолчал. А Микеланджело, не довольствуясь этим и желая еще сильнее уязвить соперника, крикнул: «Только твои остолопы-миланцы могли поверить, что ты справишься с такой работой!»⁷⁷

И вот этих-то двух людей гонфалоньер Содерини решил противопоставить друг другу, поручив им одну работу – роспись зала Большого совета во дворце синьории. Так начался поединок между двумя величайшими мастерами Возрождения. В мае 1504 г. Леонардо приступил к работе над картоном к фреске «Битва при Ангиери»⁷⁸. В августе 1504 г. Микеланджело получил заказ на картон «Битвы при Кашине»⁷⁹. Флоренция разделилась на два лагеря, одни горой стояли за Леонардо, другие за Микеланджело. Время сравнивало все. Оба произведения погибли⁸⁰.

* * *

В марте 1505 г. Юлий II вызвал Микеланджело в Рим. С этого времени начинается героический период в жизни скульптора.

Необузданные и ни в чем не знавшие меры, оба они – и папа и художник – как нельзя лучше подходили друг к другу, что не исключало, однако, бурных стычек между ними. Планы один другого смелее и грандиознее зарождались в их воображении. Юлий II задумал воздвигнуть себе гробницу, которая затмила бы все мавзолеи древнего Рима. Эта идея, исполненная поистине римского величия, захватила Микеланджело. Он замыслил памятник вавилонских масштабов, исполинское архитектурное сооружение, включавшее сорок статуй гигантского размера. Папа пришел в восторг и послал скульптора в Каррару заготовить нужный для постройки мрамор. Микеланджело пробыл в горах более восьми месяцев. Он чувствовал небывалый прилив сил, нечеловеческий подъем. «Однажды, проезжая верхом по окрестностям Каррары, он увидел возвышавшуюся над морем скалу; ему страстно захотелось превратить ее всю, от подножия до вершины, в статую колосса, который был бы виден издали мореплавателям... Он и выполнил бы свое намерение, если бы имел на то время и соизволение папы»⁸¹.

В декабре 1505 г. он вернулся в Рим, куда начали уже прибывать барки с отобранным мрамором. Его складывали на площади св. Петра, позади церкви Санта-Катерина у дома, где жил Микеланджело. «Мрамора было так много, что люди изумлялись, а папа радовался». Микеланджело принялся за работу. Папа, которому не терпелось взглянуть, как подвигается дело, постоянно навещал его, «беседуя с ним запросто, словно с родным братом». Для боль-

⁷⁶ Подразумевается недоделанная Леонардо да Винчи конная статуя Франческо Сфорца; гасконские стрелки Людовика XII потехи ради стреляли из аркебузов в гипсовую модель этой статуи, как в мишень. – Р. Р.

⁷⁷ Свидетельство современника (Anonyme de la Magliabecchiana). – Р. Р.

⁷⁸ Чтобы унижить Леонардо, ему дали темой победу флорентийцев над его друзьями миланцами. – Р. Р.

⁷⁹ Иначе: «Война с Пизой». – Р. Р.

⁸⁰ Микеланджело к 1505 г. успел сделать только картон, но и он исчез в 1512 г., во время народных волнений, связанных с возвращением во Флоренцию Медичи. Судить о произведении можно теперь только по скопированным фрагментам. Самый известный из них – гравюра Маркантонио «Ползуны». Что касается фрески Леонардо, ее уничтожил сам Леонардо. Желая усовершенствовать технику фрески, он испробовал новый состав красок на масле, оказавшийся весьма нестойким. В 1506 г., отчаявшись, он бросил работу, а в 1550 г. фрески более уже не существовало. К этому периоду жизни Микеланджело (1501–1505 гг.) относятся также два круглых барельефа «Мадонны с младенцем»: один находится в Королевской академии в Лондоне, другой – в музее Барджелло во Флоренции; затем «Брюггская мадонна», приобретенная в 1506 г. фламандскими купцами, и большая писанная темперой картина «Святое семейство» в галерее Уффици, самое прекрасное и законченное из станковых произведений Микеланджело. Пуританская строгость и героический дух резко отличают его от томной изнеженности, присущей манере Леонардо. – Р. Р.

⁸¹ Кондивы. – Р. Р.

шего удобства он даже велел соединить галерею Ватикана с домом Микеланджело подъемным мостом, чтобы приходить к художнику незаметно.

Но расположение папы длилось недолго. Характер у Юлия II был такой же неуравновешенный, как и у Микеланджело. Он мгновенно зажигался какой-нибудь идеей, но потом что-нибудь новое увлекало его, и он так же быстро охладевал. Другой план показался теперь Юлию II более подходящим для увековечения его славы: он решил перестроить собор св. Петра. На эту мысль папу натолкнули враги Микеланджело. Они были многочисленны и влиятельны. Во главе их стоял человек, не менее гениальный в своей области, чем Микеланджело, и обладавший сверх того огромной волей, – Браманте из Урбино, папский архитектор и друг Рафаэля. Трудно было ожидать, что два великих умбрийца, умевших все подчинять власти разума, и необузданный гений Микеланджело поймут друг друга. Но если они и решили вступить с ним в борьбу⁸², то несомненно Микеланджело сам дал им к этому повод. Он имел неосторожность не слишком лестно отзываться о Браманте и, обоснованно или нет, обвинял его в хищениях⁸³. Браманте задумал его погубить.

Он лишил Микеланджело расположения папы. Папа был суеверен, и Браманте этим воспользовался: он напомнил ему, что, по народному поверью, готовить себе при жизни гроб – дурная примета. Поддавшись внушениям Браманте, папа охладел к работе его соперника Микеланджело. Тогда Браманте предложил ему свой собственный план, и в январе 1506 г. Юлий II принял решение перестроить собор св. Петра. Сооружение гробницы забросили. Микеланджело был не только унижен, но и немало на этом пострадал, ибо на расходы для постройки брал деньги в долг⁸⁴. Он ходил жаловаться к папе, но Юлий II не принял его; когда же Микеланджело проявил некоторую настойчивость, тот приказал своему конюшему прогнать скульптора из Ватикана.

Присутствовавший при этом епископ из Лукки спросил конюшего:

– Разве вы не знаете Микеланджело?

Тогда конюший, обратившись к Микеланджело, сказал:

– Простите меня, синьор, но я получил приказание и должен его выполнить.

Микеланджело вернулся к себе и написал папе:

«Святой отец!

Сегодня утром, по приказу Вашего свейтейшества, меня прогнали из дворца. Отныне, если я Вам понадобится, можете искать меня где угодно, только не в Риме».

Он отослал письмо, вызвал живших у него в доме купца и каменотеса и сказал им:

«Найдите какого-нибудь еврея, продайте все, что у меня здесь есть, и приезжайте во Флоренцию».

⁸² Во всяком случае архитектор Браманте. Рафаэль был слишком дружен с Браманте и слишком многим ему обязан, чтобы не выступать с ним заодно; но нет доказательства, что он лично действовал во вред Микеланджело. Однако Микеланджело прямо его обвиняет: «Виновниками всех моих недоразумений с папой Юлием были Браманте и Рафаэль; они из зависти и хотели меня погубить. У Рафаэля имелись на то веские основания: все, что он постиг в живописи, он перенял у меня» (письмо неизвестному, октябрь 1542 г. – «Письма», изд. Миланези, стр. 489–494). – Р. Р.

⁸³ Кондиви, свидетельству которого не следует слишком доверять из-за его пристрастия к Микеланджело, пишет: «Вредить Микеланджело побуждала Браманте прежде всего зависть, но также и страх перед суждениями гениального мастера, который обнаруживал погрешности в его работах. Как известно, Браманте любил развлекаться и жил не по средствам. Жалованья, которое давал ему папа, как ни было оно велико, ему никогда не хватало, и он старался нажиться, воздвигая постройки непрочные, из плохого материала. Всякий может в этом убедиться, взглянув на собор св. Петра, галерею Бельведера, монастырь Сан-Пьетро-ин-Винколи и другие строения, которые пришлось недавно укреплять железными скобами и подпорками, так как они начали разваливаться и грозили в скором времени рухнуть». – Р. Р.

⁸⁴ «У папы появилась новая фантазия, а тут пришли барки с каррарским мрамором, и мне пришлось выложить из собственного кармана фрахт. Тогда же прибыли в Рим каменотесы, выписанные мною из Флоренции для сооружения папской гробницы, и так как я отделал и обставил для них дом, отведенный мне Юлием за церковью Санта-Катерина, то оказался без денег и в весьма затруднительном положении» (уже цитированное письмо, относящееся к октябрю 1542 г.). – Р. Р.

Затем сел на коня и уехал⁸⁵.

Получив такое письмо, папа послал вдогонку Микеланджело пять верховых, которые настигли его около одиннадцати вечера в Поджибонси и вручили приказ его святейшества:

«По получении сего, под страхом нашей немилости, немедленно возвращайся в Рим».

Микеланджело ответил, что вернется, когда папа выполнит свои обязательства. Иначе Юлий II больше его не увидит⁸⁶.

Он обратился к папе со следующим сонетом⁸⁷:

Владыка, справедливо гласит поговорка: «Кто может, тот не хочет». Ты поверил басням и сплетням и вознаградил наветчика. Я же, твой верный, старый слуга, был и остался к тебе привязан, словно луч к солнцу; а тебя не огорчает, что я понапрасну трачу время. Чем больше я тружусь, тем меньше ты меня любишь. Я надеялся возвеличиться твоим величием, думал, что единственными судьями мне будут непогрешимые чаши весов и могучий меч твой, а не лживая молва. Но, видно, небо смеется над добродетелью, посылая ее на землю и заставляя ждать плодов от высохшего дерева⁸⁸.

Унижение, которому подверг художника Юлий II, было не единственной причиной, побудившей Микеланджело бежать из Рима. В письме к Джулиано да Сан-Галло, он дает понять, что Браманте замыслил убить его⁸⁹.

С отъездом соперника Браманте остался хозяином положения. На следующий же день после бегства Микеланджело был заложен первый камень собора св. Петра⁹⁰. Но злопамятный Браманте перенес свою ненависть и на творение Микеланджело и сделал все, чтобы оно не родилось на свет. По его наущению, чернь растащила мрамор, заготовленный для гробницы Юлию II на площади св. Петра⁹¹.

Тем временем папа, взбешенный поступком взбунтовавшегося скульптора, слал послание за посланием синьории Флоренции, куда Микеланджело бежал. Микеланджело вызвали в синьорию и сказали ему: «Ты сыграл с папой такую шутку, которую не позволил бы себе сам французский король. Мы не намерены из-за тебя воевать с ним, поэтому изволь-ка вернуться в Рим; но мы дадим тебе охранные грамоты, так что всякая обида, тебе причиненная, будет рассматриваться как обида самой Флоренции»⁹².

Микеланджело, однако, заупрямился. Он ставил свои условия, требовал, чтобы Юлий II дал ему закончить гробницу, и намеревался работать над ней уже не в Риме а во Флоренции. Когда же Юлий II пошел войной на Перуджу и Болонью⁹³ и послания его стали еще более грозными, Микеланджело подумывал даже перебраться в Турцию: через францисканских монахов султан приглашал его в Константинополь строить мост из Стамбула в Перу⁹⁴.

⁸⁵ Это случилось 17 апреля 1506 г. – Р. Р.

⁸⁶ Так излагает дело сам Микеланджело в письме от октября 1542 г., отрывок из которого я здесь дословно воспроизвел. – Р. Р.

⁸⁷ Всего вероятнее, что сонет написан в это время, хотя Фрей – без достаточного, на мой взгляд, основания относит его к 1511 г. – Р. Р.

⁸⁸ «Стихотворения», сонет III. *Высохшее дерево* – намек на зеленый дуб в гербе делла Ровере (род, к которому принадлежал Юлий II). – Р. Р.

⁸⁹ «Но не одно это побудило меня уехать. Была и другая причина, о которой я предпочитаю не писать. Скажу только, что, если б я остался в Риме, гробница, по всей вероятности, понадобилась бы мне, а не папе. Это и послужило причиной моего внезапного отъезда». – Р. Р.

⁹⁰ 18 апреля 1506 г. – Р. Р.

⁹¹ Письмо от октября 1542 г. – Р. Р.

⁹² Там же. – Р. Р.

⁹³ В конце августа 1506 г. – Р. Р.

⁹⁴ Кондиви. Микеланджело однажды уже собирался перебраться в Турцию (в 1504 г.), а в 1519 г. вел переговоры с «владыкой Адрианополя», приглашавшим его для выполнения некоторых живописных работ. Известно, что Леонардо да Винчи

В конце концов Микеланджело все же пришлось покориться, и в последних числах ноября 1506 г. он скрепя сердце отправился в Болонью, которую Юлий II незадолго перед тем взял приступом.

«Как-то утром Микеланджело пошел к обедне в собор Сан-Петронио. Конюший папы его узнал и повел к Юлию II, сидевшему за столом во дворце Шестнадцати.

Папа сердито сказал Микеланджело: «Тебе следовало явиться к нам (в Рим) а ты дождался того, что мы пришли к тебе (в Болонью)». Микеланджело преклонил колени и во всеуслышание просил прощения у папы, говоря, что руководил им не злой умысел, а раздражение, – он не мог примириться с тем, что его так грубо прогнали из дворца. Папа сидел молча, опустив голову, весь багровый от гнева. Тогда присутствовавший при этом епископ, посланный Содерини, с тем чтобы он вступился за Микеланджело, решил вмешаться и сказал:

«Ваше святейшество не должны обращать внимания на его глупость: он согрешил по невежеству. Художники только у себя в мастерской что-то соображают».

Папа, окончательно рассвирепев, закричал на епископа:

«Ты сказал ему грубость, которой мы ему не говорили. Невежа не он, а ты сам! Ступай... Убирайся к черту!»

И так как епископ не трогался с места, слуги папы вытолкали его взашей. Излив свой гнев на злополучного прелата, папа велел Микеланджело приблизиться и простил его⁹⁵.

К несчастью, чтобы жить в ладу с Юлием II, надо было выполнять его прихоти, а у его святейшества явилась новая фантазия. Он уже не помышлял о гробнице; ему хотелось, чтобы в Болонье была воздвигнута его бронзовая статуя колоссальных размеров. Напрасно Микеланджело доказывал, что «ничего не смыслит в отливке бронзы». Пришлось ему изучить литейное дело. Он работал не покладая рук, ютился в жалкой каморке, где стояла одна-единственная кровать, на которой художник спал с двумя своими помощниками-флорентийцами – Лапо и Лодовико – и литейным мастером Бернардино. Год и три месяца прошли в непрерывных волнениях и заботах. Он узнал, что Лапо и Лодовико его обворовывают, и перессорился с ними.

«Этот мерзавец Лапо, – пишет он отцу, – везде рассказывал, будто всю работу делают он и Лодовико, или что во всяком случае они делают ее наравне со мной. Он забрал себе в голову, что он хозяин, и пришлось его в конце концов выставить. Тут только он уразумел, что находится у меня в услужении. Я выгнал его, как собаку»⁹⁶.

Лапо и Лодовико подняли крик, стали распространять по всей Флоренции всякие небылицы про Микеланджело и даже ухитрились выманить у его отца деньги под тем предлогом, что Микеланджело их-де обсчитал.

Затем обнаружилась неспособность литейщика.

«Я готов был поручиться, что мастер Бернардино способен отлить что угодно даже без огня, так я в него верил».

Литье не удалось. Было это в июне 1507 г. Фигура вышла только до пояса. Пришлось все начинать сначала. Микеланджело провозился со статуей до февраля 1508 г.

Он совершенно извелся.

«Едва успеваю кусок проглотить, – пишет он брату. – Я терплю всякие неудобства и работаю свыше сил; тружусь день и ночь и ни о чем другом не думаю. Я так настрадался и так страдаю сейчас, что если бы пришлось снова делать эту статую, думаю, мне не хватило бы на нее и всей жизни, – такой это нечеловеческий труд»⁹⁷.

тоже соблазнила мысль поехать в Турцию. – Р. Р.

⁹⁵ Кондиви. – Р. Р.

⁹⁶ Письмо к отцу от 8 февраля 1507 г. – Р. Р.

⁹⁷ Письма к брату от 29 сентября и 10 ноября 1507 г. – Р. Р.

Сколько было затрачено усилий – и все впустую. Водруженная на фронтон собора Сан-Петронио в феврале 1508 г. статуя Юлия II простояла там менее четырех лет. В декабре 1511 г. она была разбита сторонниками семьи Бентивольо, враждовавшей с папой, а бронзовый лом приобрел Альфонсо д'Эсте, чтобы отлить из него пушку.

* * *

Микеланджело вернулся в Рим. Здесь Юлий II задал ему новую задачу, не менее неожиданную и еще более головоломную. Живописцу, не владевшему техникой фрески, папа велит расписать плафон Сикстинской капеллы. Папа будто нарочно выискивал для Микеланджело невыполнимые работы, а Микеланджело, как назло, все их блестяще выполнял.

Утверждают, что и это тоже подстроил Браманте. Он надеялся, что Микеланджело, который опять начал входить в милость, не справится и слава его померкнет⁹⁸.

Испытание и в самом деле было опасным для Микеланджело, ибо в том же 1508 г. его соперник Рафаэль весьма удачно приступил к росписи «Станцев» Ватикана⁹⁹. Микеланджело всячески старался уклониться от этой чести; он понимал, чем грозит ему поручение папы, и даже предлагал вместо себя Рафаэля, говоря, что фресковая живопись не его дело и что он не надеется на успех. Но папа заупрямился, и пришлось уступить.

Браманте установил в Сикстинской капелле леса, и в помощь Микеланджело из Флоренции выписали художников, владевших техникой фрески. Но таков уж был удел Микеланджело – он умел работать только один. Он начал с того, что признал сооружение Браманте совершенно непригодным, а флорентийских художников встретил весьма недружелюбно и вскоре без всяких объяснений их выпроводил. «Однажды утром он велел сбить все, что они написали, заперся в капелле, не пустил их и даже у себя дома больше не показывался. Художники нашли, что шутка чересчур затянулась, и глубоко обиженные вернулись во Флоренцию»¹⁰⁰.

Микеланджело остался один с несколькими подмастерьями¹⁰¹, однако чем более умножались трудности, тем дерзостнее становились его замыслы: теперь он решил расписать не только плафон, как предполагалось вначале, но и стены капеллы.

Десятого мая 1508 г. он приступает к этой гигантской работе. Мрачные годы. Самые мрачные и самые величественные в жизни Микеланджело. Он становится легендарным Микеланджело, тем самым героем Сисдины, чей титанический образ навсегда останется запечатленным в памяти человечества.

Он жестоко страдал. Письма того времени свидетельствуют о каком-то иступленном неверии в себя, от которого не спасали никакие высокие замыслы:

«Я совершенно пал духом: вот уже год, как папа мне ничего не платит, и я не нахожу возможным ни о чем его просить, так как работа не настолько подвинулась, чтобы заслуживать вознаграждения. Причина этому – сложность самой работы, а также и то, что фреска не мое ремесло. Я только понапрасну трачу время. Да поможет мне Господь!»¹⁰²

⁹⁸ По крайней мере так утверждает Кондиви. Следует, однако, отметить, что еще до бегства Микеланджело в Болонью ему собирались поручить роспись Сикстинской капеллы. Тогда план этот совсем не улыбался Браманте, и он всячески старался удалить из Рима своего соперника (письмо Пьетро Роселли к Микеланджело в мае 1506 г.). – Р. Р.

⁹⁹ За время с апреля по сентябрь 1508 г. Рафаэль расписал так называемую залу делла Синьатура («Афинская школа» и «Триумф религии»). – Р. Р.

¹⁰⁰ Вазари. – Р. Р.

¹⁰¹ В письмах 1510 г. к отцу Микеланджело жалуется на одного ни к чему не способного подмастерья, которого ему же еще приходится и обслуживать: «Самое подходящее для меня занятие! Только этого мне не доставало!.. Он из меня все жилы вытянул». – Р. Р.

¹⁰² Письмо к отцу от 27 января 1509 г. – Р. Р.

Только он кончил «Потоп», как фреска начала покрываться плесенью, фигур почти нельзя было различить. Микеланджело отказался продолжать роспись. Но папа ничего и слышать не хотел, и художнику снова пришлось взяться за кисть.

Помимо усталости, помимо тревог, еще и родные докучали Микеланджело своими беззастенчивыми требованиями. Вся семья сидела у него на шее, злоупотребляла его добротой, старалась выжать последние соки из своего знаменитого родича. Отец вечно плакался, вечно сетовал на отсутствие денег. И Микеланджело, сам истерзанный и угнетенный, должен был еще утешать старика.

«Не волнуйтесь, бывают беды страшнее... Пока у меня хоть что-то есть, я не допущу, чтобы Вы терпели недостаток... Пусть даже у Вас отнимут все, – пока я жив, Вы ни в чем не будете нуждаться... Я предпочту быть последним бедняком и знать, что Вы живы, чем быть богачом и потерять Вас... Довольствуйтесь тем, что Вы сыты, и не огорчайтесь, что не окружены тем почетом, которым пользуются прочие; живите во Христе, как я живу здесь, – бедно и честно. Я очень несчастлив и не забочусь ни о жизни, ни о почестях, ни о чем мирском – я живу в тяжких трудах и постоянной тревоге. Вот уже пятнадцать лет, как я не знаю ни одной спокойной минуты; я всегда Вам помогал, а Вы никогда этого не ценили и не понимали. Господь да простит нам всем! А я и впредь готов, до конца своих дней, поступать так же, только бы хватило сил!»¹⁰³

Все три брата безбожно злоупотребляли его великодушием. Они считали, что он обязан давать им деньги, обязан помочь им выбиться в люди; без зазрения совести растрачивали они небольшой капитал, который он скопил себе во Флоренции, приезжали и неделями гостили у него в Риме. Буонаррото и Джовансимоне уговорили художника купить им торговое предприятие, Джисмондо – землю в окрестностях Флоренции. И все это принималось без всякой благодарности, словно полагающееся по праву. Микеланджело понимал, что братья грабят его, но из гордости терпел. Однако милые братцы не ограничивались этим. Они беспутничали и в отсутствие Микеланджело дурно обращались с отцом. Тогда Микеланджело разражался в своих письмах неистовыми угрозами. Он распекал братьев, как испорченных мальчишек, которых надо учить плеткой. Он бы убил их!

«Джовансимоне¹⁰⁴,

Говорят, что хороший человек становится лучше, когда ему делаешь добро, но если делаешь добро дурному, он становится только хуже. Вот уже много лет как я пытаюсь добрым словом и хорошим к тебе отношением вернуть тебя на путь истины, желая, чтобы ты жил в ладу с отцом и всеми нами. Но ты с каждым днем становишься все несносней... Многое мог бы я тебе сказать, да не хочется тратить слов попусту. Чтобы раз и навсегда покончить с этим, запомни твердо: у тебя ничего своего нет; я тебя кормлю и одеваю, как это велит Господь, потому что считал тебя своим братом наравне с другими. Но теперь я вижу, что ты не брат мне, иначе ты не стал бы угрожать отцу. Ты ничем не лучше скотины, и как со скотом я и буду обращаться с тобой. Знай, кто видит, что отцу его угрожают или дурно обращаются с ним, тот обязан защищать его собственной грудью... Но хватит об этом!.. Повторяю, у тебя ничего своего нет, и если до меня

¹⁰³ Письма к отцу 1509–1512 гг. – Р. Р.

¹⁰⁴ Джовансимоне дерзко вел себя с отцом, и тот пожаловался Микеланджело. «Из Вашего последнего письма, – пишет в ответ Микеланджело, – я вижу, до чего у Вас дошло дело и как ведет себя Джовансимоне. Много я получал за десять лет дурных вестей, а такого еще не бывало... Будь моя власть, я в тот же день, как получил Ваше письмо, прискакал бы к Вам и навел порядок. Но это, к сожалению, невозможно, поэтому я решил написать ему. Если же он после моего письма не переменится, унесет хоть щепку из дому или вообще позволит себе неуважительно вести себя с Вами, сообщите – я отпущусь у папы и приеду» (весна 1509 г.). – Р. Р.

дойдет еще хоть одна жалоба, я приеду и покажу тебе, как проматывать добро и грозиться поджечь дом и имение, которые не тобою нажиты; слишком ты много о себе возомнил. Берегись, как бы тебе тогда не заплакать кровавыми слезами и не раскаяться в своей самонадеянности... Но если ты постарайся исправиться, будешь уважать и почитать отца, я помогу тебе, как помог другим братьям, и в скором времени постараюсь приобрести тебе лавку, и неплохую. А не хочешь, пеняй на себя, я приеду и так с тобой разделаюсь, что ты сразу поймешь, какая тебе цена и кто ты таков... Довольно. Не дожидайся, чтобы я от слов перешел к делу.
Микеланджело в Риме.

Еще несколько строк. Вот уже двенадцать лет, как я скитаюсь по всей Италии, терплю всяческие унижения и нужду, изнуряю свое тело непосильной работой, подвергаю свою жизнь тысяче опасностей – и все ради семьи. И теперь, когда мне, наконец, хоть немного удалось поднять наш дом, ты решил, что вправе за один час разрушить все то, что я создавал столько лет и такими трудами!.. Клянусь телом Христовым, не бывает этому! Я и с тысячью таких, как ты, управлюсь, если потребуется. Поэтому будь благоразумен и не испытывай терпения человека, у которого кровь погорячее, чем у тебя!»¹⁰⁵

Потом наступила очередь Джисмондо:

«Жизнь моя здесь самая горькая, я совсем выбился из сил. Друзей у меня никого нет, да они мне и не нужны... Сейчас я хоть ем досыта, а еще недавно не мог себе и этого позволить. Так что не причиняйте мне новых огорчений; еще немного, и я не вынесу»¹⁰⁶.

Наконец, третий брат, Буонаррого, служивший в торговом доме Строцци и много раз получавший от Микеланджело крупные суммы, нагло требует денег, утверждая, что истратил на него больше, чем получил.

«Хотел бы я знать, откуда у тебя эти деньги, неблагодарный! – пишет ему Микеланджело. – Хотел бы я знать, берешь ли ты в расчет те двести двадцать восемь дукатов, которые вы у меня взяли из банка Санта-Мария-Нуова, и те сотни дукатов, которые я посылал домой; а сколько трудов и забот стоило мне содержать вас всех! Хотел бы я знать, берешь ли ты все это в расчет? Если бы у тебя достало ума и совести, ты не говорил бы: «Я истратил на тебя столько-то из своих денег» и не приставал бы ко мне со своими делами, а вспомнил все, что я для вас сделал. Ты сказал бы: «Микеланджело сам помнит, что он нам писал; если же он теперь медлит, значит, что-то ему мешает, – наберемся терпения». Неразумно прищипоривать коня, когда он и без того скачет что есть мочи. Но вы меня не понимали и не понимаете. Бог вам судья! Он своей милостью даровал мне силы, потребные в трудах моих, чтобы я помогал вам. Вы признаете это, когда меня не станет»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Письмо к Джовансимоне. Генри Тоде датирует его весной 1509 г. (в изд. Миланези оно отнесено к июлю 1508 г.). Следует отметить, что Джовансимоне в то время было уже тридцать лет, а Микеланджело старше его всего на четыре года. – Р. Р.

¹⁰⁶ Письмо к Джисмондо от 17 октября 1509 г. – Р. Р.

¹⁰⁷ Письмо к Буонаррото от 30 июля 1513 г. – Р. Р.

С одной стороны, семья, терзавшая Микеланджело своими требованиями, с другой – смертельные враги, следившие за каждым его шагом и заранее предвкушавшие неудачу, – такова была атмосфера неблагодарности и зависти, в которой приходилось жить Микеланджело в эти страшные годы. И не только жить – он творил, совершив тогда героический подвиг Сисдины! Но чего это ему стоило! Он терял надежду, был близок к тому, чтобы все бросить и бежать без оглядки! Ему казалось, что он умирает¹⁰⁸. Быть может, он даже желал смерти.

А папа негодовал на его медлительность и упорное нежелание показать свою работу. Оба упрямые и самолюбивые, они сталкивались, как грозовые тучи. «Однажды, – рассказывает Кондиви, – когда Микеланджело, на вопрос Юлия II, скоро ли он, наконец, кончит капеллу, по обыкновению ответил: «Кончу, когда смогу», – папа в ярости стал колотить его своим посохом, приговаривая: «Когда смогу! Когда смогу!» Микеланджело бросился к себе и стал собираться в дорогу. Но Юлий II послал к нему одного из своих приближенных, который вручил художнику пятьсот дукатов, уговаривал забыть обиду и постарался оправдать поступок папы. Микеланджело принял извинения».

А на следующий день все начиналось сызнова. Наконец папа в сердцах как-то сказал художнику: «Ты дождешься того, что я велю тебя сбросить с твоего помоста». Микеланджело пришлось уступить; он приказал снять леса, и 1 ноября 1512 г., в День всех святых, глазам зрителей предстала его работа.

Торжественный и мрачный праздник, овеванный трауром дня усопших, как нельзя лучше подходил для того, чтобы открыть всем потрясающее по своей мощи произведение, исполненное духом Бога-творца и разрушителя – грозного Бога, в котором воплощена бушующая, словно ураган, могучая жизненная сила¹⁰⁹.

¹⁰⁸ «Письма», август 1512 г. – Р. Р.

¹⁰⁹ Творение Микеланджело разобрано мною в серии «Мастера искусства», поэтому здесь я на нем не останавливаюсь. – Р. Р.

II Сломленная сила

*Rocc'è l'alta cholonna*¹¹⁰.

Геркулесов подвиг Микеланджело принес ему славу, но надломил его. Расписывая свод капеллы, он много месяцев подряд работал с запрокинутой головой и «так испортил себе зрение, что еще долго спустя мог читать письма или разглядывать предметы, только подняв их над головой»¹¹¹.

Он сам подшучивал над своим убожеством:

От напряженья вылез зоб на шее
Моей, как у ломбардских кошек от воды...

Живот подполз вплотную к подбородку,
Задралась к небу борода. Затылок
Прилип к спине, а на лицо от кисти
За каплей капля краски сверху льются.
И в пеструю его палитру превращают.
В живот воткнулись бедра, зад свисает
Между ногами, глаз шагов не видит.
Натянута вся спереди, а сзади
Собралась в складки кожа. От сгибания
Я в лук кривой сирийский обратился.
Мутится, судит криво
Рассудок мой. Еще бы! Можно ль верно
Попасть по цели из ружья кривого?...¹¹²

Но не следует верить этому шутливому тону. Микеланджело страдал от своего безобразия. Ему, влюбленному, как никто другой, в красоту человеческого тела, всякое уродство должно было казаться постыдным¹¹³. Некоторые его мадригалы носят след унижительного сознания своих физических недостатков¹¹⁴. Ему это было тем горше, что он всю жизнь сгорал от любви, но, видимо, никто никогда не отвечал ему взаимностью. Замкнувшись в себе, он поверял стихам свою боль и свою нежность.

¹¹⁰ [Повержена высокая колонна (*итал.*). – Прим. ред.] «Стихотворения», сонет IX. – Р. Р.

¹¹¹ Вазари. – Р. Р.

¹¹² [Перевод взят из книги А. Дживелегова «Микеланджело», изд. «Молодая гвардия», 1938. – Прим. ред.] Это стихотворение, написанное в шуточной манере Франческо Берни и посвященное Джованни да Пистойя, Фрей относит к июню – июлю 1510 г. В последних строчках Микеланджело говорит о трудностях, с которыми была сопряжена для него роспись Сикстинской капеллы, и просит снисхождения, объясняя это тем, что фресковая живопись – не его ремесло: «...Итак, Джованни, защищай мое мертвое творение и защищай мою честь; ибо живопись – не мое дело. Я не живописец». – Р. Р.

¹¹³ Генри Тоде правильно осветил эту черту характера Микеланджело в первом томе своей работы «Микеланджело и позднее Возрождение», Берлин, 1902. – Р. Р.

¹¹⁴ «...Молю Господа Бога, возвращающего душам телесную их оболочку после смерти, с тем чтобы они вкусили покой или терпели вечные муки, да позволит он моему убогому телу быть вместе с твоим на небесах, как были они вместе на земле, ибо любящее сердце стоит красивого лица»....*Priego'l mie benche bructo, Com'e qui teco, il voglia in paradiso: C'un cor pietoso val quant' un bel viso...* («Стихотворения», сонет CIX, 12). «Небеса вправе гневаться, что в таких прекрасных очах, как твои, отражается такой урод, как я...» *Ben par che'l del s'adiri, Che'n si begli occhi i' me veggia si bructo...* («Стихотворения», сонет CIX, 93). – Р. Р.

Слагать стихи Микеланджело начал с детства; это было для него непреодолимой потребностью. Его рисунки, письма, наброски испещрены записанными наспех мыслями, к которым он снова и снова возвращается, углубляя их и оттачивая. К сожалению, в 1518 г. он сжег большую часть своих юношеских стихотворений; а некоторые уничтожил незадолго до смерти. Но и то немного, что сохранилось, все же дает нам представление о его любовных переживаниях¹¹⁵.

Самое раннее стихотворение написано, вероятно, около 1504 г. во Флоренции¹¹⁶:

*Как счастливо я жил, пока дано мне было, Любовь,
противостоять твоему безумию! Теперь, познав твою силу, увы,
я обливаюсь слезами...*¹¹⁷

В двух мадригалах, написанных между 1504 и 1511 гг. и посвященных, как видно, одной и той же женщине, слышится настоящая мука:

*Кто тот, что силою ведет меня к тебе, увы, увы, увы,
закованного в цепи? А ведь я свободен!*

*Chi è quel che per forza a te me mena,
Ohime, ohime, ohime!
Legato e stretto, e son libero e sciolto?*¹¹⁸

*Как может быть, что более себе я не принадлежу? О Боже!
О Боже! О Боже!.. Кто отторг от меня мою душу? Кто более
властен над нею, чем я сам? О Боже! О Боже! О Боже!*

*Come puo esser, ch'io non sia piu mio?
O Dio, o Dio, o Dio!
Chi m'ha tolto a me stesso,
Ch'a me fusse piu presso O piu di me potessi, che poss'io?
O Dio, o Dio, o Dio!*¹¹⁹

В Болонье, на оборотной стороне письма от декабря 1507 г., он набрасывает сонет, принадлежащий к числу его юношеских сонетов и напоминающий изысканной чувственностью образы Боттичелли:

*Как счастлив искусно сплетенный из ярких цветов венок на ее
златокудрой головке! Цветы теснятся вокруг чела, споря о том,
кто первый коснется его поцелуем. Платье, охватившее стан
и ниспадающее до земли свободными складками, счастливо от*

¹¹⁵ Первое полное издание стихотворений Микеланджело было опубликовано его внучатым племянником в начале XVII в. под заглавием: «Стихотворения Микеланджело Буонарроти, собранные его племянником», Флоренция, 1623; в нем было много искажений. Чезаре Гуасти в 1863 г. выпустил во Флоренции же первое более или менее точное издание. Но единственное подлинно научное и полное собрание его стихотворений – это прекрасное издание Карла Фрея: «Стихотворения Микеланджело Буонарроти, собранные и комментированные доктором Карлом Фреем», Берлин, 1897. Им я и пользуюсь в данной биографии. – Р. Р.

¹¹⁶ На том же листе зарисовки лошадей и фигуры сражающихся воинов. – Р. Р.

¹¹⁷ «Стихотворения», сонет II. – Р. Р.

¹¹⁸ «Стихотворения», сонет V. – Р. Р.

¹¹⁹ «Стихотворения», сонет VI. – Р. Р.

раннего утра и до поздней ночи. Золотая ткань неустанно ласкает ей щеки и шейку. Но безмерное блаженство выпало ленте с золотой каймой, что опоясывает грудь, нежно ее сжимая. Пояс словно говорит: «Я вечно хочу обнимать тебя!..» Ах, будь это мои руки!¹²⁰

В большом стихотворении – своего рода интимной исповеди¹²¹, которую трудно передать дословно, – Микеланджело в выражениях, до странности откровенных, описывает свое любовное томление:

Когда я не вижу тебя хотя бы день, я не нахожу себе места.
Когда тебя вижу, ты для меня, как пища для голодного... Когда ты улыбаешься мне или кланяешься на улице, я загораюсь, как порох... Когда ты говоришь со мной, я краснею, не могу вымолвить слова, и великое желание мое внезапно гаснет...¹²²

В другом стихотворении он горько жалуется:

Ах, какой нестерпимой мукой разрывает мне сердце мысль, что та, которую я безгранично люблю, меня не любит! Как же мне жить?..

...Ahi, che doglia 'nfinita
Sente 'l mio cor, quando li torna a mente,
Che quella ch'io tant'amo amor non sente!
Come restero 'n vita?...¹²³

Приведем еще несколько строк, написанных на эскизах к мадонне для капеллы Медичи: Только я один пылаю во тьме, когда солнце, спрятав свои лучи, покидает нашу планету. Все наслаждаются, а я, в муках распростертый на земле, стенаю и плачу¹²⁴.

В могучих скульптурах и в живописи Микеланджело тема любви отсутствует: в них он выражает лишь самые героические свои мысли. Он словно стыдится дать здесь волю сердечным слабостям. Доверяет он свои тайны одной лишь поэзии. Только в стихах Микеланджело открывает нам муки сердца, пугливого и нежного под суровой оболочкой:

Люблю; зачем я только родился?
Amando, a che son nato?¹²⁵

¹²⁰ «Стихотворения», сонет VII. – Р. Р.

¹²¹ По выражению Фрея, который без достаточного, на мой взгляд, основания относит стихотворение к 1531–1532 гг. Мне кажется, что оно написано много раньше. – Р. Р.

¹²² «Стихотворения», сонет XXXVI. – Р. Р.

¹²³ «Стихотворения», сонет XIII. К тому же времени относится знаменитый мадригал, который композитор Бартоломео Тромбончино еще до 1518 г. переложил на музыку: «Откуда взять мужество жить вдали от вас, мое счастье, если не просить вашей помощи в час расставанья? Эти рыдания, эти слезы, эти вздохи, которыми провожает вас мое бедное сердце, доказали вам, мадонна, как близка моя смерть и как велики мои муки. Но если правда, что разлука не изгладит из вашей памяти моего верного служения, я оставляю вам свое сердце: оно не принадлежит мне более». («Стихотворения», сонет XI). – Р. Р.

¹²⁴ Sol' io ardendo all' ombra mi rimango Quand' el sol de suo raggio el mondo spoglia; Ogni altro per piacere, e io per doglia. Prostrato in terra, mi lamento e piangho. («Стихотворения», сонет XXII). – Р. Р.

¹²⁵ «Стихотворения», сонет CIX, 35. Ср. эти лирические стихи, где любовь и страдание почти синонимы, с сладострастным восторгом нескладных юношеских сонетов Рафаэля, написанных на обороте эскизов к «Триумфу религии». – Р. Р.

* * *

Окончив роспись Сикстинской капеллы, Микеланджело возвращается во Флоренцию: Юлий II умер¹²⁶, и ничто больше не удерживает его в Риме. Он может снова приняться за любимое свое творение – гробницу ныне усопшего папы. По договору он обязуется сделать ее за семь лет¹²⁷. На целых три года он весь ушел в эту работу¹²⁸. В эту сравнительно мирную пору своей жизни – пору раздумчиво грустной и ясной зрелости, когда бешеное кипение времен Сикстинской капеллы улеглось, словно затихло и вошло в берега разбушевавшееся море, – Микеланджело создает свои самые совершенные творения: «Моисея»¹²⁹ и луврских «Рабов»¹³⁰. Тут ему в полной мере удалось привести в равновесие свои страсти и волю.

Но то была лишь краткая передышка, и снова бурно и тревожно течет его жизнь, снова Микеланджело обстужает непроглядная тьма.

Новый папа, Лев X, задался целью помешать увековечению своего предшественника и заставил Микеланджело трудиться во славу дома Медичи. Не то чтобы Лев X был так уж расположен к художнику – мрачный гений Микеланджело был глубоко чужд эпикурейцу-папе¹³¹, который куда больше благоволил Рафаэлю, но в Льве X говорило тщеславие: создатель фресок Сикстинской капеллы был гордостью Италии, и папа решил его приручить.

Он предложил Микеланджело возвести фасад Сан-Лоренцо – церкви Медичи во Флоренции. Микеланджело, подстегиваемый соперничеством с Рафаэлем, который за время его отсутствия стал первым художником в Риме¹³² не нашел в себе силы отказаться, хотя выполнить новую работу, не забросив старой, он был не в состоянии, и лишь навлек на свою голову впоследствии неисчислимые беды. Он убеждал себя, что справится с гробницей Юлия II и с фасадом Сан-Лоренцо, если все второстепенные работы передаст помощнику, а сам займется главными статуями. Но по своему обыкновению он постепенно увлекся новыми планами и уже не мог примириться с тем, что кто-то разделит его славу. Более того, он дрожал при одной мысли, что Лев X раздумает доверить ему постройку фасада, и сам умолял надеть на него еще и эти цепи¹³³.

¹²⁶ Юлий II умер 21 февраля 1513 г., через три с половиной месяца после торжественного открытия фресок Сикстинской капеллы. – Р. Р.

¹²⁷ Договор от 6 марта 1513 г. Новый, расширенный по сравнению с первоначальным, проект включал 32 больших статуи. – Р. Р.

¹²⁸ За все это время Микеланджело, по-видимому, принял лишь один заказ – «Христа» для церкви Санта-Мария-сопра-Минерва. – Р. Р.

¹²⁹ Предполагалось, что «Моисей» с пятью другими гигантскими статуями увенчает верхний ярус памятника Юлию II. Микеланджело работал над ним вплоть до 1545 г. – Р. Р.

¹³⁰ В 1546 г. Микеланджело подарил «Рабов», над которыми трудился в 1513 г., Роберто Строцци – стороннику республики, изгнанному из Флоренции и поселившемуся во Франции, а тот преподнес их Франциску I. – Р. Р.

¹³¹ Он не скупился на уверения в любви, но в душе побаивался Микеланджело. Он чувствовал себя с ним неловко. «Папа говорит о Вас как о родном брате, чуть ли не со слезами на глазах, – писал Себастьяно дель Пьомбо к Микеланджело. – Он рассказывал мне, что Вы воспитывались вместе, и уверяет, что давно знает и любит Вас. Но Вы наводите страх на всех, даже на пап» (письмо от 27 октября 1520 г.). При дворе Льва X над Микеланджело подтрунивали. Его своеобразный и вольный язык давал повод к насмешкам. Злополучное письмо к кардиналу Биббиена, покровителю Рафаэля, явилось истинной находкой для его врагов. «Во дворце только и разговору, что о Вашем письме, – пишет ему Себастьяно дель Пьомбо, – все хохочут» (письмо от 3 июля 1520 г.). – Р. Р.

¹³² Браманте умер в 1514 г., и Рафаэля назначили главным архитектором собора св. Петра. – Р. Р.

¹³³ «Я хочу создать фасад, который показал бы всему миру, сколь совершенна итальянская архитектура и скульптура. Пусть папа и кардинал (Джулио Медичи, впоследствии Климент VII) быстрее решают, желают ли они, чтобы я взялся за эти работы. И если желают, пусть заключат со мной договор... Мессер Доминико, прошу Вас дать мне определенный ответ относительно их намерений. С великой надеждой ожидаю Вашего письма» (письмо к Доминико Буонинсенти, июль 1517 г.). Договор был подписан Львом X 19 января 1518 г. Микеланджело обязывался возвести фасад в течение восьми лет. – Р. Р.

Конечно, продолжать работу над памятником Юлию II оказалось невозможным. Но еще прискорбнее было то, что и фасад церкви Сан-Лоренцо тоже не удалось возвести. Если б Микеланджело только отказался от помощника, это было бы еще полбеды, но роковое стремление все делать самому погнало его в Каррару наблюдать за разработкой мрамора, тогда как ему следовало бы сидеть во Флоренции и работать. Ему пришлось столкнуться с множеством затруднений. Медичи настаивали на том, чтобы мрамор брали из недавно приобретенных Флоренцией каменоломен в Пьетрасанте, а не в Карраре. Микеланджело вступился за каррарцев, и папа не постеснялся обвинить его во взяточничестве¹³⁴, когда же он скрепя сердце подчинился приказаниям папы, на него ополчились каррарцы. Они вошли в сговор с лигурийскими судовладельцами, и Микеланджело, которому надо было перевезти заготовленный мрамор, напрасно объездил все побережье от Генуи до Пизы: нигде он не мог зафрахтовать ни одной барки¹³⁵. Да еще пришлось от каменоломен к морю строить дорогу, частично на сваях, через горы и заболоченные равнины. Местные жители не желали участвовать в расходах по прокладке дороги. Нанятые каменотесы ничего не смыслили в своем деле. И каменоломни были новые, и рабочие были новичками.

Микеланджело горько сетовал:

«Покорить эти горы и обучить здешних людей искусству... Да легче воскресить мертвых!»¹³⁶

Но все же он не сдавался:

«Я выполню то, что обещал, наперекор всему и с Божьей помощью создам самое прекрасное произведение, какое когда-либо видела Италия».

Сколько он положил сил, таланта, вдохновенных восторгов – и все впустую! В конце сентября 1518 г. от переутомления и забот Микеланджело даже слег в Серавецце. Он сам признавал, что напрасно растрчивает здоровье и творческие мечты, обрекая себя на труд простого поденщика. Его томит желание поскорее приступить к работе и вместе с тем знакомое чувство страха: а вдруг он не справится? Были ведь еще и старые обязательства, которые он никак не мог выполнить¹³⁷.

«Я сгораю от нетерпения, но проклятая моя судьба заставляет меня делать не то, что хочется... Я все время казнюсь, сам себя почитаю обманщиком, хотя и не виноват»¹³⁸.

Вернувшись во Флоренцию, Микеланджело терзается в ожидании барок с мрамором, но Арно обмелела, и тяжело груженные суда не могут подняться вверх по течению.

Но вот барки прибыли. Приступит он, наконец, к работе? Нет! Он возвращается в каменоломни. Он ни за что не хочет начинать, пока не добудет весь нужный мрамор, как некогда для гробницы Юлия II, – целую гору мрамора! Он все откладывает, тянет. Уж не боится ли он?

¹³⁴ Письмо кардинала Джулио Медичи к Микеланджело от 2 февраля 1518 г.: «Мы имеем некоторые основания полагать, что Вы из личной корысти поддерживаете каррарцев и потому объявили каменоломни в Пьетрасанте непригодными... Не входя в дальнейшие объяснения, ставим Вас в известность, что его святейшество непременно желает, чтобы все работы были выполнены только из пьетрасантского мрамора и никакого другого... Продолжая действовать вопреки ясно выраженной воле его святейшества и нашей, Вы навлекли на себя наше немалое и вполне справедливое неудовольствие... Посему перестаньте упорствовать». – Р. Р.

¹³⁵ «Я добрался до самой Генуи, безуспешно стараясь найти барки... Все судовладельцы подкуплены каррарцами... Придется ехать в Пизу...» (Письмо Микеланджело к Урбану от 2 апреля 1518 г.). «Барки, которые я зафрахтовал в Пизе, так и не прибыли. Меня, как видно, надули. Такая уж моя судьба! Будь трижды проклят день и час, когда я покинул Каррару! Это меня погубило...» (Письмо от 18 апреля 1518 г.). – Р. Р.

¹³⁶ Письмо от 18 апреля 1518 г. – Несколько месяцев спустя Микеланджело пишет: «Каменоломни почти отвесные, а у рабочих нет никакой сноровки. Терпение! Надо покорить горы и обучить людей...» (Письмо к Берто да Филикайя, сентябрь 1518 г.). – Р. Р.

¹³⁷ «Христос» для церкви Санта-Мария-сопра-Минерва и гробница Юлия II. – Р. Р.

¹³⁸ Письмо от 21 декабря 1518 г. к кардиналу Ажанскому. [Леонардо делла Ровере, племяннику папы Юлия II. – Прим. ред.] К этому времени относятся, по-видимому, четыре бесформенные, едва начатые статуи из гротов Боболи – четыре фигуры рабов, предназначавшиеся для гробницы Юлия II. – Р. Р.

Не слишком ли много он наобещал? Не слишком ли было самонадеянно с его стороны браться за такую сложную архитектурную работу? В конце концов ведь это не его ремесло – нигде он этому не учился. И начинать страшно и поздно отступать.

Сколько было положено труда – и не удалось даже доставить мрамор в целости и сохранности. Из шести отправленных во Флоренцию монолитных колонн четыре разбились в пути, а одна уже по прибытии на место. Микеланджело подвели неумелые рабочие.

Папа и кардинал Медичи начинали терять терпение, находя, что скульптор потратил слишком много драгоценного времени в каменоломнях и на топких дорогах. Посланием папы от 10 марта 1520 г. заключенный с Микеланджело договор на постройку фасада Сан-Лоренцо был расторгнут. Микеланджело узнал об этом, только когда в Пьетрасанту прибыла посланная ему на смену партия рабочих. Это его глубоко уязвило.

«Я не ставлю в счет кардиналу, – пишет он, – трех лет, что я напрасно здесь потерял. Не ставлю ему в счет и то, что разорился на работах для Сан-Лоренцо. Не ставлю ему в счет тяжкого оскорбления, которое мне нанесли тем, что сперва дали мне этот заказ, а потом его у меня отобрали и неизвестно даже по какой причине! Я не ставлю ему в счет все, что я на этом потерял, и все, чего мне это стоило... А итог таков: папа Лев X получает разработку с уже отесанными глыбами, я сохраняю имеющуюся у меня на руках наличность – пятьсот дукатов – и могу идти на все четыре стороны!»¹³⁹

Микеланджело не вправе был винить своих покровителей, – он сам был во всем виноват, знал это и казнился. Опять приходилось прежде всего сражаться с самим собой. Что создал он с 1515 по 1520 г., в самом расцвете сил и своего гения? Пресного «Христа» для церкви Санта-Мария-сопра-Минерва – произведение Микеланджело, в котором нет ничего от Микеланджело! Да и его он не завершил¹⁴⁰

¹³⁹ «Письма», 1520 г. (изд. Миланези, стр. 415). – Р. Р.

¹⁴⁰ Микеланджело поручил закончить «Христа» своему ученику Пьетро Урбано, который по неумению его «изувечил» (письмо Себастьяно дель Пьомбо к Микеланджело от 6 сентября 1521 г.). Римский скульптор Фрицци постарался, как мог, исправить изъязны. Несмотря на эти огорчения, Микеланджело готов был взвалить на себя еще новые обязательства. 20 октября 1519 г. он подписывается под ходатайством, с которым флорентийские академики обратились к Льву X о перенесении праха Данте из Равенны во Флоренцию, и предлагает свои услуги, чтобы «воздвигнуть божественному поэту достойный его памятник». – Р. Р.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.